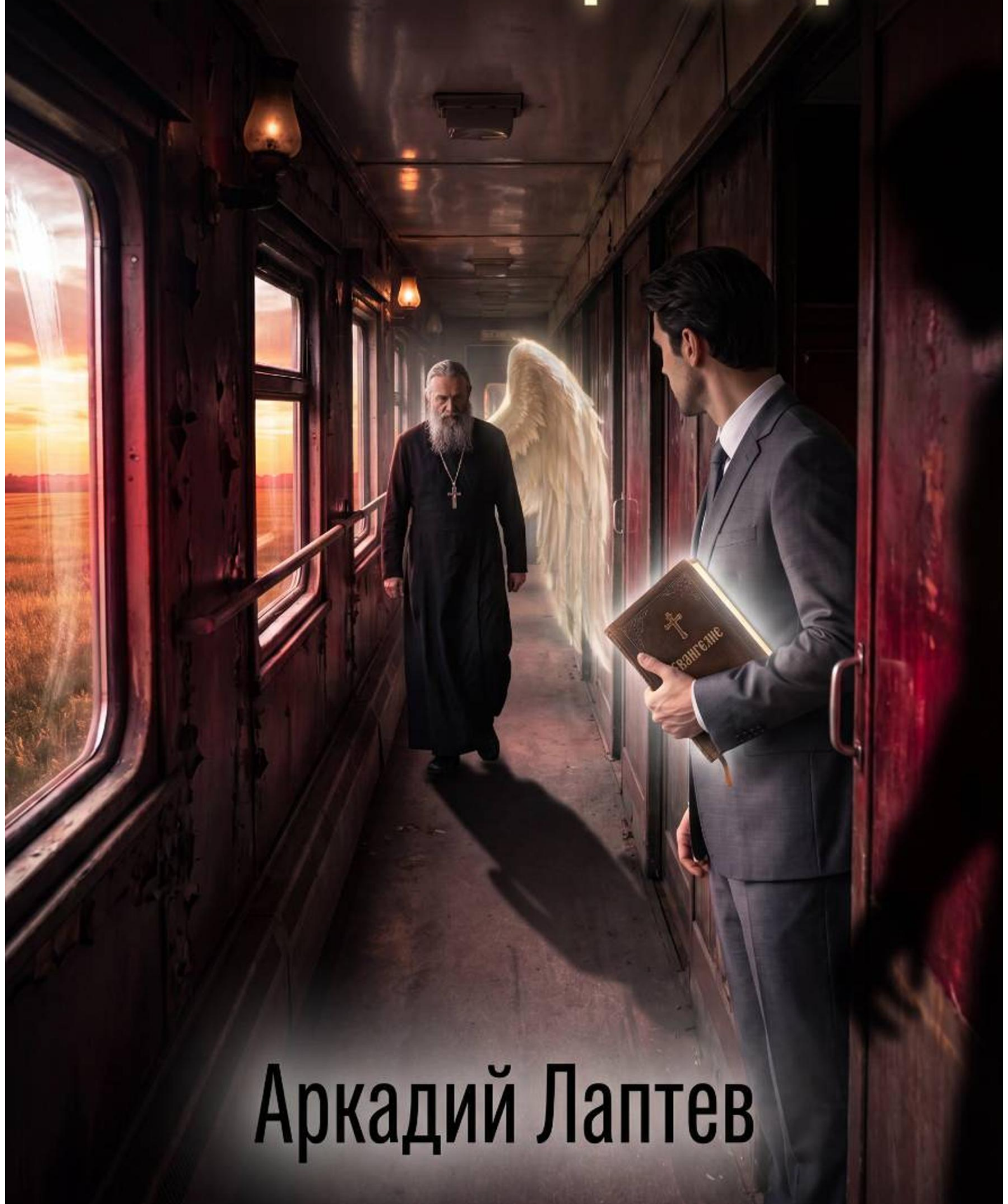

Тёмные коридоры

Аркадий Лаптев

Аркадий Лаптев
Тёмные коридоры

«Автор»

2026

Лаптев А. П.

Тёмные коридоры / А. П. Лаптев — «Автор», 2026

Журналист Андрей садится в поезд и оказывается в одном купе с пожилым священником. Он ещё не знает, что эта встреча перевернёт всю его жизнь. Древний требник апостола Иоанна Богослова разорван на двенадцать страниц, разбросанных по всему миру. Каждая страница — дар Духа Святого. Каждый дар — оружие против тьмы. Но тьма не дремлет. Бесы в церковных кабинетах, ведьмы в заброшенных деревнях, архиереи-полубесы и сам Люцифер встанут на их пути. «Тёмные коридоры» — это мистический роман-странствие о том, как Земля становится кузницей Ангелов, а свет Евангелия разгоняет любую тьму.

© Лаптев А. П., 2026

© Автор, 2026

Аркадий Лаптев

Тёмные коридоры

Тёмные коридоры

Пролог

Утреннее июньское солнце заливало тёплым светом привокзальную площадь провинциального городка. Воздух, прогретый примерно до двадцати трёх градусов, был пропитан привычными запахами: выхлопными газами автобусов, дымом от мангалов с шаурмой и едва уловимым ароматом свежесваренного кофе из маленького киоска у входа. Лёгкий ветерок шевелил выцветшие рекламные плакаты на стенах вокзала, но почти не спасал от духоты.

Вокзал выглядел типично для таких мест: невысокое здание с облупившейся бежевой штукатуркой, давно не мытые окна и ряды деревянных скамеек, занятых ожидающими пассажирами. Суeta кипела вокруг: носильщики в форменных жилетах катили тележки с чемоданами, семьи с детьми и баулами спешили к кассам, торговцы предлагали пирожки, газеты и магнитные сувениры. Гул голосов, обрывки объявлений по громкой связи, гудки автомобилей сливались в единый городской шум.

Андрей, сорокалетний журналист, стоял у расписания поездов и нервно поглядывал на часы. Он только что вернулся из командировки — очередного расследования для городской газеты, на этот раз о заброшенном заводе на окраине области. В голове ещё крутились строчки будущей статьи, но сильнее хотелось скорее добраться до дома, скинуть пропылённую одежду и выпить нормального кофе, а не того, что продают на вокзале.

Громкое объявление, искажённое динамиками, прервало его размышления:

— Поезд номер сто сорок два, следующий по маршруту «Москва — Новосибирск», прибывает на третий путь через пять минут. Пассажиров просят пройти к платформе.

Андрей вздохнул с облегчением, подхватил дорожную сумку и направился к переходу. Толпа вокруг оживилась — люди потянулись следом, кто-то торопливо допивал кофе, кто-то проверял билеты. В переходе было прохладно после утренней жары. Ступени с вышербленными краями, стены с облупившейся краской, тусклые лампы под низким потолком — всё напоминало о возрасте этого места.

Андрей спустился и вышел на платформу как раз в тот момент, когда вдали показался поезд, медленно подползающий к перрону. Утреннее солнце блеснуло на тёмно-синих боках вагонов. Состав замер, двери открылись. Из вагона вышла проводница — молодая женщина лет тридцати, в форменной синей юбке и белой блузке. На груди — бейдж с именем «Елена». Тёмные волосы аккуратно собраны в пучок, на лице — выражение вежливой усталости. Она встала у входа и приготовилась проверять билеты.

Перед Андреем в очереди стоял пожилой священник в тёмном подряснике. Седая борода, аккуратно подстриженная, обрамляла лицо с глубокими морщинами. Росту в нём было около метра семидесяти, держался он прямо, с достоинством. В руках — старый кожаный саквояж, на плече — небольшая сумка.

Мысли Андрея невольно метнулись в сторону: «Ну вот, только этого не хватало. Хоть бы не оказаться с ним соседями. Сейчас начнёт расспрашивать, когда я бываю в церкви, будет приглашать на приходские мероприятия, рассказывать о силе молитвы... Нет, спасибо, у меня и без того голова забита».

Очередь двинулась. Проводница мельком глянула билет священника, тот не торопясь шагнул в тамбур. Андрей протянул свой билет и прошёл следом. В полумраке вагонного коридора священник остановился у двери четвёртого купе, сверился с билетом и скрылся внутри. Андрей задержал дыхание, достал свой билет и посмотрел номер. Четвёртое. Выбора нет.

Покачиваясь в такт тронувшемуся поезду, он вошёл в купе и увидел, что священник уже занял нижнюю полку у окна. С тяжёлым вздохом Андрей закинул сумку на багажную полку и устроился на нижней полке напротив.

«Андрей, ну вот за что тебе всё это?» — простонал он мысленно, прислоняясь к прохладной стенке.

Купе оказалось небольшим, но аккуратным: чистые занавески на окнах, маленький столик между полками, зеркало на двери. Солнечный свет пробивался сквозь щель в шторах, рисуя на полу тонкий золотой луч. За окном раздался ровный стук колёс, поезд медленно набирал ход, увозя пассажиров, прочь от города. Андрей откинул голову на подголовник, прикрыл глаза, пытаясь настроиться на долгую дорогу. Мерный стук колёс успокаивал.

Священник тем временем достал из сумки небольшую книгу в потёртом переплёте, тихо перекрестился и открыл её. В купе повисла тишина, нарушаемая только стуком колёс. И в этой тишине Андрею вдруг почудилось — или он сам себе внушил? — какое-то неясное предчувствие, словно впереди не просто дорога домой, а что-то совсем новое, чему названия пока нет.

Глава 1

Священник мысленно прочёл короткую молитву. Губы его едва шевельнулись. Затем он неторопливо, с какой-то основательной бережностью перекрестил сперва восток, потом север, запад и юг — все четыре стороны света, словно освящая их небольшое купе в долгую дорогу. Закончив, поднял глаза на Андрея и обратился к нему мягким, грудным голосом:

— Здравствуйте, дорогой попутчик. Меня зовут отец Михаил. А вас как?

Андрей на мгновение замер. В голове у него мелькнула шальная мысль — сострить в своей обычной манере: «А меня зовут отец Андрей. У меня же двое детей. Я тоже своего рода отец». Он уже почти открыл рот, уже представил, как вытянется лицо батюшки. Но что-то его удержало. То ли усталость после командировки, то ли тихое достоинство, с которым священник произнёс своё имя. Андрей осёкся и ответил просто:

— Андрей.

— Очень приятно, Андрей, — священник чуть склонил голову.

В купе они ехали вдвоём. То ли был не сезон, и пассажиров набралось мало, то ли их соседи по купе опоздали на поезд, а может — и эта мысль почему-то кольнула Андрея — всё было не случайно и устроило само провидение. Две верхние полки сиротливо белели свежим, нетронутым бельём. За окном проплывали перелески, поля, редкие домики, а стук колёс отбивал свой вечный, успокаивающий ритм.

Батюшка, покряхтев, поднялся и снял с багажной полки старенький кожаный саквояж. Расстегнул его, и на столик один за другим стали появляться нехитрые припасы: пластиковый контейнер с аккуратно уложенными варёными яйцами, нарезанный толстыми ломтями чёрный хлеб, маленькая — из-под таблеток — пластмассовая баночка с солью и старенький, выдавший виды термос с рыжей эмалевой пробкой-чашкой. Священник раскладывал всё это неторопливо, любовно, будто накрывал праздничный стол. Его крупные, натруженные руки с проступающими венами двигались плавно и уверенно.

Он жестом указал на разложенную снедь и произнёс просто, без тени навязчивости:

— Андрей, присоединяйтесь к трапезе.

Андрей хотел было отказаться. Первым чувством, что шевельнулось внутри, была даже не вежливость, а брезгливость. Такая, знакомая с детства, почти инстинктивная: «Незнакомый человек. Еда с чужих рук. И не просто незнакомец, а поп. Что у него там на уме? Будет сейчас проповеди читать, в душу лезть, наставлять на путь истинный». Он уже набрал воздуха, чтобы отказаться и отговориться отсутствием аппетита.

Но священник, видимо, заметил сомнение на его лице. Он взял с контейнера одно яйцо, подержал его на раскрытой ладони, и в глазах его засветился какой-то очень тёплый, совсем не проповеднический огонёк.

— А вы знаете, Андрей, — заговорил он доверительно, — что яйца — это самый что ни на есть дорожный продукт? Вот смотрите, — он чуть приподнял яйцо двумя пальцами, будто показывая драгоценность. — Пока эта природная упаковка не нарушена, варёное яйцо может месяц пролежать и нисколько не испортится. Хоть в жару, хоть в холод. Природа всё предусмотрела. Ну, эти-то, конечно, свежие, сам вчера вечером варил. Вы не переживайте.

Он бережно положил яйцо обратно в контейнер, и взгляд его сделался каким-то отстранённым, обращённым куда-то в глубину прожитых лет.

— Вот я помню в детстве... У меня бабушка была, верующая, царствие ей небесное. Церкви-то поблизости в нашей деревне не было, так на Пасху все ходили на кладбище — христосоваться, усопших поминать, яички на могилках оставляли, поминали. А бабушка моя наберёт, бывало, этих пасхальных яиц — ведра два, а то и больше. Так мы потом ими месяц целый и питались. Жили-то небогато. И вот наберёшь этих яичек в карманы да на речку — на целый день. К вечеру так проголодаешься, что эти самые яички — за счастье. Лучше, скажу я вам, любой фуа-гра.

Он тихо, по-доброму рассмеялся, и в смехе этом было что-то заразительное, давнее, почти забытое.

— А на речке... Вот уходишь с друзьями спозаранку, купаешься до синевы, рыбу пытаешься бреднем ловить. А кушать-то охота — просто неведомо. И эти самые яйца — просто спасение. Сидишь на песочке — и ешь. Помню ещё, совершали мы, грешным делом, налёты на чужие сады. Воровали яблоки. Яблоки-то оно, конечно, сладко, только вот яблоками не наешься. Это поначалу вроде голод утолил, а через пять минут есть ещё сильнее хочется, аж живот сводит. Так что, когда яйца с собой не брали — совсем худо было.

Отец Михаил рассказывал так вкусно, с такой теплотой и подробностями, что Андрей невольно представил себе босоногих мальчишек на речке, крадущихся через забор, и себя самого — такого же когда-то. Брезгливость начала отступать, уступая место любопытству и проснувшемуся вдруг голоду. От всех этих разговоров о еде желудок предательски заурчал.

— Ну что, попробуете яичко? — священник пододвинул контейнер ближе.

Андрей сдался. Протянул руку, взял одно. Оно было плотным, скорлупа тёплая от лежания в контейнере. Он неловко постучал его о край столика и принялся чистить. Скорлупа отходила легко, обнажая гладкий, чуть бежеватый белок. И в то же мгновение по купе разлетелся запах — не резкий, не тот, что бывает у переваренных вкрутую яиц, а какой-то особенный, глубокий, с лёгким ореховым оттенком. Приятный, домашний запах, который мгновенно наполнил всё тесное пространство.

Андрей откусил половину яйца и замер, прислушиваясь к ощущениям. Вкус действительно был другим — насыщенным, чуть сладковатым, с едва уловимой карамельной ноткой. Белок не резиновый, а упругий и нежный одновременно. Желток — не сухой, рассыпчатый, а кремовый, бархатистый. Он прожевал и поднял на священника удивлённые глаза.

— Вкусно, — сказал он искренне. — И вправду вкусно. Что-то необычное.

Отец Михаил просиял, будто мальчишка, которого похвалили за поделку.

— А это, Андрей, калёные яйца. У них вкус совсем другой, вы правы. Секрета никакого нет: сначала яички нужно сварить как обычно, вкрутую. А потом положить в духовку, нагретую градусов до ста восьмидесяти — ста девяноста, и оставить их там часа на три-четыре. Скорлупа чуть потемнеет, а внутри — вот, сами видите. Бабушка моя, помню, прямо в печи их калила, в золе. Оттуда и название.

Яйцо Андрею настолько понравилось, что он, не дожидаясь нового приглашения, потянулся за вторым. Батюшка меж тем свинтил пробку термоса, и купе наполнилось новым аро-

матом — травяным, медовым, с лёгкой горчинкой луговых цветов. Он щедро плеснул чаю в кружку и пододвинул её к Андрею.

— Попробуйте чай. Тут чабрец и липа. Никаких пакетиков, сам собирал в прошлом июне. На ночь такой чай особенно хорош — спишь как младенец.

Андрей взял кружку обеими руками. Она была приятно горячей. Он сделал осторожный глоток. Чай оказался необычайно вкусным — не приторным, а мягким, обволакивающим, с долгим цветочным послевкусием. Не чай, а какой-то эликсир спокойствия. Сделав несколько глотков, он почувствовал, как тепло разливается по всему телу, а напряжение последних дней начинает понемногу отпускать.

Закончив трапезу, священник собрал скорлупу обратно в контейнер, протёр столик бумажной салфеткой, сложил мусор в маленький пакет и, извинившись, вышел из купе — видимо, к мусорному контейнеру в конце вагона.

Андрей остался один. За окном плыли поля, солнце поднялось выше и теперь золотило верхушки деревьев. Он откинулся на полку и поймал себя на мысли, которая ещё час назад показалась бы ему невозможной.

«А вроде неплохой человек», — подумал он и сам улыбнулся этой мысли. Мерный стук колёс убаюкивал, чай приятно согревал изнутри, и внезапное чувство спокойствия — давно забытое, почти утраченное — постепенно заполняло всё его существо.

Глава 2

Андрей устался в окно. Разговор с бабушкой неожиданно расположил его к задумчивости, и теперь он просто смотрел, как мимо пролетают перелески, сады с покосившимися заборами, серые дачные домики с заколоченными наглухо окнами. Поезд прогрохотал по стрелкам и вылетел к очередному переезду — мелькнул опущенный шлагбаум, за ним — очередь из автомобилей: красная «Нива», старый микроавтобус, легковушка с прицепом. Водители терпеливо ждали, пока состав протащится мимо, и Андрей на мгновение представил себя на их месте — в душной кабине, под утренним солнцем. Ему сделалось уютно от мысли, что он здесь, в прохладе купе, под мерный стук колёс.

А за окном уже снова раскинулись поля — бескрайние русские поля, подступающие к самому полотну, зеленеющие молодыми озимыми и уходящие к горизонту неровным лоскутным одеялом. Вдали маячила полоска леса, над ним — бледно-голубое небо с редкими, точно заблудившимися, облаками.

Дверь купе мягко отъехала в сторону. Вошёл отец Михаил, уже без мусорного пакета, одёрнул подрясник и сел на своё место. Поймав взгляд Андрея, устремлённый в окно, он как бы невзначай спросил:

— Что нового показывают?

Андрей чуть усмехнулся, не оборачиваясь:

— Красоту.

Священник проследил за его взглядом и понимающе кивнул:

— Да, я посмотрю, вы святой человек. Не утратили это детское чувство — видеть красоту за окном. Многие сейчас сидят, уткнувшись в телефоны, а тут целый мир проносится — и даром.

Андрей наконец оторвался от пейзажа и повернулся к собеседнику. Отец Михаил сидел, положив руки на колени, и смотрел на него с тихим, внимательным доброжелательством.

— Вы не возражаете, если мы немного поговорим? — спросил священник.

— Почему бы и нет, — пожал плечами Андрей. — Давайте совместим приятное с полезным. Ведь за разговорами и дорога короче.

— Что правда, то правда, — отец Михаил чуть склонил голову, соглашаясь. А затем, помолчав ровно мгновение, спросил — просто, будто поинтересовался прогнозом погоды: — А скажите, Андрей, вы давно причащались?

Андрей моргнул. Вопрос повис в воздухе — не осуждающий, не навязчивый, но какой-то очень прямой.

— Да я, честно говоря, и не знаю, что это, — ответил он, сам удивляясь, насколько легко эта правда слетела с языка.

Отец Михаил кивнул — без тени удивления, без малейшей попытки изобразить огорчение. Казалось, он ожидал именно такого ответа.

— А Евангелие вы давно читали?

Андрей вздохнул. Вот теперь прозвучало то, чего он подсознательно ждал с первой минуты.

— Признаюсь честно: как-то пробовал. У меня не получилось. Вы знаете, отец Михаил, я человек невоцерковлённый.

Священник вдруг усмехнулся — и усмешка эта была какой-то совершенно мальчишеской, заговорщицкой.

— Вы не поверите — я тоже. Скажу вам больше: я этих воцерковлённых даже побаиваюсь. Честное слово.

Андрей опешил.

— Это почему?

Отец Михаил откинулся к стенке купе, и стук колёс на мгновение заполнил тишину, пока он собирался с мыслями.

— Понимаете, в чём дело... Христианство — это ведь наука. Как физика. Как математика. Только это наука о спасении. И чтобы эту науку изучать, нужен первоисточник. А первоисточник — это Евангелие. Вот спросишь у воцерковлённого — у того, который знает все посты, церковные праздники, как правильно брать благословение у батюшки, когда земной поклон бить, а когда поясной... Спросишь его: «Вы Евангелие читаете?» А он тебе: «Я что, сектант? Пусть сектанты читают». Спросишь про заповеди Божьи — тоже не знает. Понимаете, это современная форма фарисейства. Которая отменяет законы Божьи и заменяет их на законы человеческие. А законы Божьи просты: люби Бога и люби ближнего. Вот и всё.

Андрей слушал, и что-то в нём отзывалось на эти слова — то ли простота, с которой они были сказаны, то ли неожиданное совпадение с какими-то его собственными давними мыслями, которые он никогда не облакал в слова.

— Получается, — медленно проговорил он, — тогда и в церковь не нужно ходить? Купил Евангелие — и всё?

Отец Михаил покачал головой. За окном в этот момент потемнело — поезд нырнул в короткую лесополосу, и стук колёс стал гулким, отражённым от близких стволов.

— Тут не всё так просто. В вашем понимании церковь — это храм, архитектурное сооружение. Но церковь — это семья. Общество носителей Духа. Это общество связывает любовь Христова. А где нет любви — там нет и Бога. И это уже не церковь Божия. Это самое настоящее сборище сатанинское.

Андрей чуть не поперхнулся. От человека в рясе таких слов он не ожидал вовсе. А священник продолжал — спокойно, будто рассуждая о чём-то давно и глубоко продуманном:

— На самом деле церкви две: земная, воинствующая, и церковь небесная, торжествующая. Но всё это есть единая церковь Божия. Церковь земная — это своего рода чистилище. Терние. Но, не пройдя это терние, вы не попадёте в церковь торжествующую. Я сейчас говорю не о какой-то конкретной церкви или юрисдикции. Я говорю о сообществах в целом. Ведь приходя в любую из этих общин, человек переносится на две тысячи лет назад. И идёт путём Христовым. Вы там встретите и Иуду, и первосвященников, и Понтия Пилата, который умоет

руки, предавая вас казни. Так что сообществ много, которые называют себя церквами. Но церковь Божия — она одна. И это может быть даже ваша семья. Или компания, где вы работаете. Главное — это Дух Божий и любовь Христова.

Поезд снова вырвался на простор, и в купе хлынул солнечный свет, заливая седую бороду священника, его тёмный подрясник и выцветшее лицо Андрея, который сидел в лёгком ошеломлении.

— Вы не похожи на обычного священника, — сказал Андрей медленно. — Очень странно слышать от человека в рясе подобные заявления. А вы не боитесь?

Отец Михаил посмотрел на него долгим взглядом, и в его глазах на миг проступило что-то очень личное, глубоко спрятанное.

— Да я уже старый, — сказал он тихо. — Я боюсь лишь одного: потерять любовь Христову. Всё остальное — не важно.

Он замолчал и задумался. Лицо его сделалось отстранённым, словно мыслями он унёсся куда-то далеко — может быть, в те самые времена, о которых только что говорил. Андрей не решался нарушить тишину. За окном проплывали поля, вагон мерно покачивало, а в воздухе ещё витал аромат чабреца и липы — как напоминание о трапезе, с которой всё началось.

И в этой тишине Андрей вдруг почувствовал, что напряжение, с которым он садился в поезд, почти ушло, а на смену ему пришло нечто другое — ожидание. Словно впереди, за поворотом этих бесконечных полей, его ждало что-то важное. Что-то, что изменит его жизнь.

Глава 3

Отец Михаил помолчал, словно собираясь с духом перед дальней дорогой, и продолжил — голос его теперь звучал иначе: глубже, тише, как если бы он не рассказывал, а вспоминал нечто, виденное собственными глазами.

— Когда-то давным-давно, ещё до начала времён, которые мы не способны измерить, Бог Отец начал Своё творение. И первым Он сотворил первого Ангела, и дал ему имя — Денница. Сын Зари. Прекраснейший из всех, кого только можно помыслить. Свет его был так ярок, что остальные ангелы, созданные позже, дивились ему и почитали. А Отец сотворил тысячи, тысячи тысяч других Ангелов, и каждому дал имя, и каждому — своё место у Престола.

Священник чуть подался вперёд, и в полумраке купе глаза его блеснули.

— Но первый Ангел возгордился своим первенством. Захотел, чтобы братия считала его богом — равным Отцу. Некоторые соглашались, склоняли головы. А другие говорили: «Бог и Отец у нас один. Наш Создатель и Творец». Тогда Денница начал клеветать Богу на братию — нащёптывать, сеять сомнения, искать виноватых там, где была лишь святость. И вспыхнула война на Небе.

Андрей слушал, и по мере того, как священник говорил, в голове его сами собой начали вспыхивать образы — яркие, до дрожи реалистичные, будто он сам стоял там, в ином времени и ином пространстве.

Он увидел Небо — но не то синее небо за окном вагона, а Небо Горнее, пронизанное светом, который невозможно описать словами. Свет этот был не белым и не золотым — он был живым, дышащим, поющим беззвучную песнь. Хрустальные своды уходили в бесконечность. Ангелы — бессчётные, сияющие, с крыльями, сотканными из пламени и звёздного ветра, — стояли рядами, и лица их были прекрасны нечеловеческой красотой.

И вдруг — трещина. Звук, похожий на стон расколотого колокола, прокатился по Небесам. Денница, самый яркий из всех, встал во главе своего воинства. Свет его начал меняться — из золотого он становился багровым, затем багряно-чёрным, как остывающий уголь. За его спиной крылья, прежде ослепительные, обратились в кожистые перепонки, а лик, некогда ангельский, исказился гримасой ненависти и гордыни. Он повёл своё войско к Престолу Вели-

кого — и падшие ангелы шли за ним, выкрикивая хулы, размахивая мечами, выкованными из собственной гордыни.

Но навстречу им вышел Грозный Воевода Михаил. Андрей увидел его так ясно, что затаил дыхание: высокий, в сияющих доспехах, с мечом, который горел огнём неопалимым. За ним — воинство верных Ангелов, и в их глазах не было страха, только скорбь о падших братьях и неколебимая верность Отцу. Михаил воздел меч, и свет этого меча рассёк пространство, как молния рассекает грозовое небо. Два воинства сошлись — и грянула битва.

Грохот стоял такой, что содрогались основания мира. Ангелы бились не сталью — их оружием была воля, сосредоточенная в свете. Лучи скрещивались, взрывались снопами искр. Падшие падали в бездну, корчась и вопя, а верные смыкали ряды, тесня противника к краю. Михаил сошёлся с Денницей лицом к лицу, и в этом поединке было нечто запредельное — столкновение не просто сил, но самих сущностей: верности и предательства, любви и ненависти, смирения и гордыни. Меч Михаила рассёк тьму, и Денница, воя от ярости, был низвергнут.

И всё его воинство — ангелы, некогда прекрасные, а теперь искажённые злобой, — полетели в бездну. В очень далёкую и бездонную бездну, из которой нет возврата.

Голос отца Михаила вернул Андрея в купе:

— Там вечный мрак и отчаяние. Боль и страдание. Всё худшее — мыслимое и немислимое — скрывает в себе эта бездна. Мы называем это место адом, но у него есть более страшное название, которое даже произносить не стоит. Денница был скован цепями — цепями собственной ненависти, которая держит крепче любого железа. Этот падший Ангел превратился в дьявола, сатану. А ад находится между мирами — нашим и миром Горним.

Священник перевёл дух. За окном проплывали всё те же поля, но теперь они казались Андрею какими-то иными — словно бы дальше, словно бы отделёнными невидимой пеленой. Он физически ощутил, что пространство вокруг изменилось.

— Когда Небо опустело наполовину, — продолжил отец Михаил, — Отец решил создать человека. По образу и подобию Своему. Человек был создан для того, чтобы восполнить Небо. Занять владения и престолы падших ангелов. Бог создал Адама и Еву. Но те согрешили и были отправлены на землю. Люди начали рождаться и заселять землю. И земля стала кузницей Ангелов. Люди проходили испытание на верность Богу и Его заповедям, данным Моисею. Но грех усиливался. Демоны стали выбираться наружу и захватывать землю. И стали ей править как князья. Хотя земля и была дарована человеку. Человек сам впустил дьявола в свой мир.

Отец Михаил наклонился к Андрею, и голос его упал почти до шёпота:

— Падшие ангелы были лишены пищи Божественной — потому что все раньше питались от Духа Святого. Им нужна была пища. И люди стали этой пищей. Господь всем людям даёт Свою Благодать. А бес — как огромный комар — присасывается к человеку и пьёт его благодать и жизнь, заражая его тем или иным пороком. Грех усилился многократно, и полчища бесов устремились на землю.

Священник откинулся назад, и в голосе его зазвучала новая нота — не скорбная, а торжествующая:

— Тогда Бог Отец посылает Сына Своего Единородного для спасения людей от греха и смерти и разрушения оков демонов. И тут... — он осёкся, взглянул на Андрея и, видимо, заметив что-то в его глазах, замолчал.

А перед внутренним взором Андрея уже разворачивалась другая картина.

Он увидел холм. Лысый, каменистый, выжженный солнцем. Голгофа. Небо над ней было тёмно-свинцовым, хотя день ещё не клонился к вечеру. Три креста стояли на вершине, и на среднем — Он. Андрей не мог разглядеть лица — оно было измучено, искажено болью, запёкшаяся кровь смешалась с пылью и потом, — но что-то в этом лице было такое, что заставило его сердце сжаться до физической боли.

Вокруг креста бесновалась толпа. Андрей видел их глаза — и это были не просто глаза злых людей. В них горело что-то потустороннее: жадный, голодный, ликующий огонь. Демоны, о которых только что говорил священник, — они были там, внутри этих людей. Они глядели сквозь человеческие зрачки на умирающего Бога и захлёбывались от злорадства.

— Спаси себя! — орал один, и голос его срывался в визг. — Если Ты Сын Божий, сойди с креста!

Другой, по виду — старейшина в разодранных одеждах, плевал в сторону Распятого, и слюна его была густой и тёмной, как отрава. Вокруг него прыгали, улюлюкали, тыкали пальцами. Кто-то требовал чуда, кто-то просто выкрикивал ругательства, наслаждаясь безнаказанностью. Вся эта толпа была как единый организм — многоголовый, многоротый, одержимый одним общим безумием.

А Он смотрел на них с высоты креста. И в этом взгляде — Андрей почувствовал это с невероятной ясностью — не было ни ненависти, ни осуждения, ни даже укора. Только любовь. Та самая любовь, о которой говорил отец Михаил — спокойная, чистая, бесконечная, как свет того самого Горнего Неба.

Губы Распятого шевельнулись. Голос Его был слаб, но каждое слово прозвучало так отчётливо, что, казалось, его услышала сама земля:

— Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят.

И на мгновение — всего лишь на мгновение — беснование стихло. Демоны, глядевшие сквозь людей, дрогнули. Кто-то из толпы вдруг остановился, опустил руку, занесенную, чтобы бросить камень, и на лице его промелькнула тень — тень сомнения, тень ужаса от того, что он делает. Но тьма снова захлестнула его, и он продолжил неистовствовать.

А сверху, с креста, стекала кровь. Чистая, Святая. Капли падали на сухую, растрескавшуюся землю — и там, куда они попадали, земля менялась. Что-то происходило в самой её глубине. Невидимые цепи, державшие мир, начинали трещать. Сила сатаны, тысячелетиями копившаяся, как гной в ране, вдруг дала трещину. Свет, исходивший от этих капель, был не ярок, но он проникал глубже любого меча. Он просачивался в бездну, о которой говорил священник, и там, в вечном мраке, что-то содрогалось и корчилось, понимая: конец. Не сразу, не сейчас, но — конец.

Андрей моргнул. Видение отступило так же внезапно, как началось. Он снова сидел в купе, напротив старого священника, а за окном плыли поля. Но что-то изменилось. Мир больше не был прежним. Слова отца Михаила заканчивали обрамлять картину, которая только что пронеслась перед его внутренним взором:

— Кровь Его Святая и Чистая пролилась на грешную землю, разрушив силу сатаны. И теперь бесы могут питаться только неверными — теми, кто не принял Христа как Бога. Верные же защищены от оков и цепей дьявола. Так что, Андрей, вы теперь знаете: наша Земля — это кузница Ангелов.

Отец Михаил замолчал, давая Андрею переварить услышанное. В купе повисла глубокая, почти осязаемая тишина, сквозь которую доносился только мерный, как биение огромного сердца, стук колёс.

Андрей сидел неподвижно, глядя в одну точку. В его голове ещё мелькали образы — воинство Михаила, летящие в бездну падшие ангелы, толпа у креста, капли крови на сухой земле. Вся эта картина была настолько живой, настолько детальной, что он не мог отделаться от ощущения, будто видел всё собственными глазами. Будто он сам стоял там — и на Небе, и на Голгофе. Будто кто-то только что снял пелену с его памяти, напомнив о том, что он всегда знал, но забыл.

Он медленно перевёл взгляд на отца Михаила. Тот сидел тихо, сложив руки на коленях, и смотрел на него с тем же неизменным, спокойным доброжелательством — как человек, который только что передал другому не бремя, а ключ. И ждал.

Глава 4

Зерно, посеянное отцом Михаилом, упало в благодатную почву. Андрей сам не понял, когда это произошло — в какой именно момент повествование о войне на Небе и каплях крови на сухой земле перестало быть просто историей и стало чем-то глубоко личным. Но он вдруг почувствовал, как внутри что-то сдвинулось — неумолимо, как сходит с места ледник, — и зерно дало первые всходы.

Всё, что составляло его жизнь до этого мгновения, вдруг высветилось перед ним с беспощадной ясностью. Погоня за славой — ради чего? Газетные статьи, которые он считал вершиной журналистского мастерства, теперь выглядели пустыми, надуманными, написанными ради гонорара и строчки в резюме. Вечная спешка, бесконечные командировки, заголовки, просмотры, лайки — вся эта суета, которую он привык считать важной и нужной. Андрей увидел, как он годами бежал за ветром, воображая, что бежит к цели. Тщетность. Всё — тщетность и томление духа.

Ценным осталась только семья. Жена и дети. Их лица всплыли перед ним с такой отчётливостью, что он чуть не застонал. Сколько раз он жертвовал временем с ними ради очередной редакционной планёрки? Сколько раз отмахивался от детских вопросов, потому что «папа занят, папа пишет важную статью»? А родители... Мать, отец. Они ушли уже давно, и Андрей вдруг осознал с пронзительной, обжигающей болью, что он за них даже не молился. Ни разу. Ни одной короткой, простой молитвы. И на кладбище бывал редко — всё отговорки находил: далеко, некогда, в следующем месяце. А следующего месяца так и не случилось.

Ему стало жалко — но не столько родителей, сколько себя. Себя, прежнего, привычного, самоуверенного. Андрей увидел себя со стороны: эгоистичного, бессердечного, лживого. Лживого даже не в словах — в самой сути. Привыкшего красиво рассуждать о справедливости, но проходящего мимо чужой беды. Умеющего сострить, умеющего пустить пыль в глаза, умеющего казаться — но не умеющего быть.

Слёзы брызнули из глаз внезапно, как прорывает плотину. Андрей отвернулся к окну, плечи его задрожали. Сначала он ещё пытался сдержаться — до хруста в зубах, до боли в скулах. Но потом махнул рукой на всё и заплакал навзрыд, всхлипывая, как плачут взрослые мужчины, разучившиеся плакать много лет назад: сдавленно, взхлёб, уткнувшись лицом в сгиб локтя.

Отец Михаил не сказал ни слова. Он не стал утешать — не похлопывал по плечу, не бормотал дежурных фраз. Он понимал: то, что сейчас происходит с Андреем, — не горе и не слабость. Это очищение. Роды новой души. И роды всегда болезненны. Священник лишь склонил голову и тихо, одними губами, начал молиться — не вмешиваясь, не прерывая, просто сопровождая этот таинственный процесс изнутри, из глубины своего сердца.

Прошёл час, а может, и два. Время в купе потеряло свою обычную власть. Стук колёс отмерял минуты, но они текли теперь по-другому — густые, насыщенные, полные незримой работы, которая совершалась в душе Андрея. За окном успело стемнеть, потом посветлеть снова. Солнце клонилось к закату, когда Андрей наконец оторвал заплаканное лицо от рук и повернулся к священнику. Глаза у него были красные, опухшие, но взгляд — новый. Такого взгляда отец Михаил не видел у него прежде.

— Батюшка, — голос Андрея звучал хрипло, но твёрдо. — Что мне делать? Я больше не хочу быть кормом для бесов. Я хочу начать новую жизнь.

Отец Михаил посмотрел на него долгим взглядом, и в глазах его промелькнуло что-то похожее на радость — тихую, сдержанную, но глубокую.

— Вот видишь, — сказал он мягко, — Благодать Божия коснулась твоего сердца. Это значит, что тебя позвал Сам Господь. Как когда-то — первых апостолов. Они были рыбаками, простыми людьми, которые даже не помышляли о великом. А Он прошёл мимо и сказал: «Ты,

и ты — пойдите со Мной». И они, оставив сети, последовали за Ним. Тоже оплакивая свою прошлую, грешную жизнь.

Священник помолчал, давая этим словам осесть в сердце Андрея.

— Отец Михаил, я готов, — произнёс Андрей, и в голосе его не было колебаний. — Что мне нужно сделать?

Отец Михаил чуть нахмурился, и взгляд его стал серьёзным, почти строгим.

— Помни, Андрей: обратной дороги не будет. Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадёжен для Царствия Божия. Ты можешь оставить всё как есть. Можешь выйти на своей станции, вернуться домой, обнять жену и детей — и это будет правильно, и никто тебя не осудит. Ты можешь надеяться, что кто-то другой, более сильный, более святой, будет спасать этот мир вместо тебя. Но если ты чувствуешь, что Господь позвал именно тебя, — тогда не оглядывайся.

— Я готов, — повторил Андрей, и слово это прозвучало в тесном купе как присяга.

Отец Михаил кивнул — медленно, с достоинством. Потом подался вперёд и заговорил тише, как будто стены купе могли услышать:

— Ну хорошо. Мне нужно посетить одного батюшку в Мордовии. Он, кажется, нашёл следы утерянного древнего требника, принадлежащего апостолу Иоанну Богослову. Это не просто старая книга, Андрей. Если то, что он нашёл, — подлинник, это может изменить очень многое. Ты готов?

Андрей выпрямился на своей полке. Глаза его, ещё минуту назад заплаканные, теперь горели твёрдой, спокойной решимостью.

— Я готов.

Отец Михаил вдруг широко, по-молодому улыбнулся и хлопнул ладонью по колену:

— Тогда высаживаемся на следующей станции. И едем в Мордовию.

За окном уже сгущались сумерки. Поезд летел вперёд, разрезая тёплый июньский вечер, а двое в четвёртом купе молча смотрели друг на друга, понимая, что с этого мгновения их пути уже не разделить. Впереди лежала дорога. И что-то подсказывало Андрею, что это будет самый важный путь в его жизни.

Глава 5

Утро следующего дня выдалось ясным и по-июньски тёплым. Солнце только набирало силу, когда старенькое такси — «Лада-Веста» с блестящим на лобовом стекле образком и болтающимся на зеркале ароматизатором «ёлочка» — свернуло с трассы и покатило по улицам посёлка городского типа. Водитель, пожилой мордвин с прокуренными усами и выцветшей кепкой, уверенно крутил руль, время от времени сверяясь с адресом на смятом клочке бумаги.

Андрей смотрел в окно. Посёлок был небогатым, но удивительно опрятным. Дома здесь стояли в основном деревянные, реже — кирпичные, обшитые сайдингом, выкрашенные в спокойные цвета: синий, зелёный, охра. Никаких глухих трёхметровых заборов — напротив, палисадники у каждого дома пестрели георгинами, пионами и жёлтыми «золотыми шарами». Улицы были подметены, и мусора на обочинах Андрей не заметил — что невольно напомнило ему о столичных районах, где чистота почему-то считается не нормой, а роскошью.

Кое-где у ворот сидели на лавочках старухи в светлых платочках, провожая машину долгими, внимательными взглядами — так, как умеют смотреть только в провинции, где каждый новый человек — событие. Проплыла мимо автобусная остановка с аккуратно застеклённым расписанием. Потом — школа, выкрашенная в жёлтый, с клумбами перед входом и турниками на пустыре. Воздух, проникающий в приоткрытое окно такси, пах свежескошенной травой и едва уловимым речным туманом.

Наконец такси остановилось у нужного дома. Водитель, обернувшись, коротко бросил: «Приехали» — и заглушил двигатель. Андрей и отец Михаил вышли из машины. Священник расплатился с таксистом, и тот уехал, оставив их вдвоём перед невысоким деревянным заборчиком.

Дом, к которому они подошли, был небольшим, но сразу видно — всё здесь сделано с любовью. Сруб из потемневшего от времени бревна, наличники на окнах — резные, с узором в виде виноградных лоз и маленьких крестов, явно работа не фабричная, а ручная, чья-то терпеливая и умелая. Крыльцо с кованым козырьком, под которым висел старый, но ухоженный фонарь. В палисаднике, огороженном невысоким штакетником, цвели пышные кусты сирени, уже отцветающей, и жасмина. Тропинка к крыльцу была выложена камнем-плитняком, между камнями пробивалась зелёная травка. Во всём чувствовался уют — тот самый, который не покупается за деньги, а создаётся годами.

Из машины, стало быть, вышли двое: один в тёмном подряснике, с седой бородой и саквояжем в руке, другой — в гражданской одежде, сорокалетний журналист с новым, ещё непривычным ему самому выражением лица. Отец Михаил поправил наперсный крест и, пока они шли к калитке, обратился к Андрею негромко:

— Здесь живёт отец Иван Тютин. Старый, добрый батюшка. Его, правда, местная братия не любит. Да и архиерей не жалуется. Он ведь верующий человек и христианин — не по названию, а по сути. А такие неуютны — ни собратьям, ни архиереям. Он всегда говорит правду и даже пытался вразумить архиерея. За это и попал в немилость. Но так как народ его любит — за простоту и открытость, — его не трогают. Да и Господь его защищает.

Андрей молча кивнул. После вчерашнего разговора в купе и своих слёз он чувствовал себя так, будто с него сняли старую, заскорузлую кожу, и теперь каждое прикосновение мира ощущалось острее.

Они подошли к двери — добротной, деревянной, с медной ручкой в виде кольца, — и отец Михаил трижды негромко постучал. Внутри послышались шаги, лёгкие и быстрые. Дверь открылась.

На пороге стояла матушка Надежда — женщина невысокого роста, среднего телосложения, из тех, о ком говорят «настоящая русская женщина». Каштановые волосы, чуть тронутые сединой, были убраны под простой светлый платок. Глаза — голубые, как августовское небо, ясные и внимательные. Одета она была в простое ситцевое платье и фартук, а руки, которыми она вытирала о полотенце, были нагруженными, привыкшими к работе.

— Отец Михаил! — всплеснула она руками, и в голосе её смешались радость и лёгкая укоризна. — Ты бы хоть позвонил, предупредил, что приедешь! Я бы стол накрыла, наготовила бы... Да и батюшка... — она чуть запнулась, — батюшка после вчерашней дегустации ещё спит.

Отец Михаил тепло улыбнулся и чуть склонил голову:

— Здравствуй, матушка Надежда. Мы к отцу Ивану.

Она посторонилась, пропуская гостей. — Проходите. Только вы уж его сами будите, я его не добужусь.

Андрей, входя в дом вслед за священником, вспомнил слова отца Михаила. У отца Ивана был один порок — винопитие. Но, как рассказывал батюшка в поезде, он с ним практически не боролся. И всем, кто пытался его укорить, отвечал словами апостола Павла: «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился». Это был единственный грех и слабость батюшки, и он, похоже, даже смирился с ним — как смиряются с больной ногой или вечным насморком, принимая это как часть своего креста.

Матушка проводила их в комнату, где спал отец Иван, а сама, извинившись, поспешила на кухню — накрывать на стол.

Дом внутри оказался ещё лучше, чем снаружи. Всё здесь было чисто, убрано, каждая поверхность блестела — ни пылинки, ни соринки. Полы из широких половиц сияли янтарным лаком. На окнах — белые кружевные занавески, на подоконниках — горшки с геранью. В красном углу — небольшой иконостас с иконами, перед ними тихо теплилась лампада. Мебель старая, но ухоженная: дубовый стол, стулья с резными спинками, комод с фотографиями в рамках. Не было здесь ни богатых, ни лишних вещей — никакой позолоты, никаких нарочитых украшений. Всё просто, скромно, но в доме царил порядок — тот особенный, живой порядок, который бывает только там, где вещи служат людям, а не люди вещам.

В комнате, куда они вошли, на широкой деревянной кровати, свернувшись калачиком, как ребёнок, спал отец Иван. Он был укрыт лоскутным одеялом, из-под которого торчала только седая макушка. Из угла комнаты доносился мерный, уютный, чуть присвистывающий храп. В воздухе стоял лёгкий запах вина — не противный, перегарный, а какой-то домашний, винный, напоминающий о старых погребах и дубовых бочках.

Отец Михаил подошёл к кровати, постоял мгновение, глядя на спящего друга с нежностью, а потом взял его за плечо и легонько встряхнул:

— Вставай, старый. Хватит дрыхнуть. Всё проспидишь.

Отец Иван открыл глаза. Первое, что вырвалось у него из уст, было короткое, но выразительное словцо. Андрей невольно улыбнулся.

— У ё.. — выдохнул батюшка, моргая и пытаясь сфокусировать взгляд.

Он сел на кровати, нашарил на прикроватном столике кружку с водой и начал жадно пить, держа её обеими руками. Кадык ходил ходуном. Осушив кружку до дна, он перевёл дух и, наконец, поднял глаза на гостей.

— Вот это мы вчера дали стране угля... — проговорил он хриловатым голосом, и в глазах его заплясали озорные искры. — Мелкого, правда, но до... — Тут он осёкся, заметив Андрея. — А это кто с тобой?

Отец Михаил обернулся на Андрея и, положив руку ему на плечо, сказал просто и весомо:

— Это Андрей. Он теперь наш.

Отец Иван посмотрел на Андрея долгим, цепким взглядом — не таким, каким смотрел вчера отец Михаил, а другим: более земным, с хитрецой и одновременно с испытующим огоньком. Что он там увидел — неизвестно, но, видимо, остался доволен, потому что кивнул каким-то своим мыслям и, кряхтя, стал подниматься.

Он набросил на себя подрясник — старенький, но опрятный, с аккуратно заштопанным рукавом, — и, шлёпая босыми ногами по половицам, пошёл умываться. Из-за двери послышалось фыркание и плеск воды.

А матушка уже звала к столу. Когда отец Иван вернулся — с мокрой бородой, приглаженными волосами и заметно посвежевший, — стол в горнице был уже накрыт. Андрей, войдя следом за всеми, невольно замер: такого он не видел давно, а может, и никогда.

Посреди стола, на большой чугунной сковороде, исходила паром гора жареных пельменей — румяных, с золотистой корочкой, каждый величиной с небольшой пирожок. Рядом возвышался круглый хлеб домашней выпечки — пышный, с глянцевою, подрумяненной корочкой, от которого шёл такой дух, что у Андрея закружилась голова. В глиняной миске, испуская пряный, чесночный аромат, темнели бочковые помидоры — крепкие, солёные, с укропными зонтиками. Салат из свежих помидоров и огурцов, нарезанных крупными дольками, белел сметаной в широкой керамической чаше. И перед каждой персоной стояли тарелки с вилками — простые, но расставленные заботливой рукой.

Отец Иван, вернувшийся после умывания, принёс с собой пятилитровую бутылку собственного вина — тёмно-рубинового, густого, с осадком на дне. Он водрузил её на стол с гордостью и почти нежностью.

— Вот. Прошлогоднее. «Уже настоялось», — сказал он, погладив бутылку ладонью. — Мы вчера пробу сняли. Достойное.

Все расселись. Отец Иван ловко разлил вино по четырём маленьким хрустальным рюмкам. Матушка, севшая с краю, тоже взяла свою рюмку. Они подняли их. Отец Михаил коротко, одними губами, прочёл молитву. Чокнулись. Выпили.

Вино оказалось терпким, немного вяжущим, с глубоким ягодным послевкусием. Андрей, не привыкший пить за завтраком, почувствовал, как тепло мягко разливается по жилам.

Матушка Надежда, выпив ровно половину рюмки, отставила её решительным жестом и принялась раскладывать пельмени по тарелкам. Ловко орудуя большой деревянной ложкой, она накладывала щедрые порции, приговаривая:

— Чтобы всё съели. Приду вечером — проверю.

— Слушаюсь и повинуюсь, — отозвался отец Михаил, и в голосе его прозвучала нотка сыновней покорности.

Матушка встала из-за стола, вытерла руки о фартук и, бросив на мужа короткий, выразительный взгляд — в котором читалось и «не увлекайтесь», и «будьте осторожны», и что-то ещё, более глубокое, — пошла собираться на работу. Она работала в местной школе учительницей младших классов, и впереди у неё был полный день детских голосов, прописей и мела.

Хлопнула входная дверь. В доме наступила тишина — та особенная тишина, когда мужчины остаются одни. За окном щебетали птицы. Солнце уже поднялось выше и теперь заливало горницу тёплым, медовым светом, играя в хрустале рюмок и рисуя зайчиков на белой скатерти.

Они выпили ещё по рюмке домашнего вина — на сей раз молча, без тостов, — и стали усиленно потреблять жареные пельмени. Андрей, откусив первый, едва не зажмурился от удовольствия: тесто было тонким и одновременно упругим, начинка — сочной и пряной, а жареная корочка добавляла тот самый вкус, который не спутаешь ни с чем. Он вдруг поймал себя на мысли, что ест с аппетитом, какого не помнил за собой со времён студенчества, когда они с друзьями жарили покупные пельмени в общежитии на расшатанной электроплитке.

За столом было тепло и покойно, и на мгновение Андрею показалось, что весь остальной мир — со всей его суетой, погоней за славой, тщетой и «тёмными коридорами» — остался где-то далеко за порогом этого маленького, уютного дома в мордовском посёлке. Но он уже достаточно знал, чтобы понимать: это затишье — лишь краткая передышка перед чем-то большим.

Отец Михаил, утёр губы салфеткой и взглянул на отца Ивана. Взгляд его стал серьёзным.

— Ну, рассказывай, старый, — сказал он. — Что там у тебя за требник?

Отец Иван отложил вилку и откинулся на стуле. В его глазах — только что весёлых и хмельных — вдруг мелькнуло что-то древнее, глубокое, словно он разом протрезвел и приготовился говорить о вещах, ради которых, собственно, и затевалась эта поездка.

Глава 6

Отец Иван оглянулся — сперва на дверь, потом на окно, выходящее в палисадник, — нет ли где посторонних глаз и ушей. Убедившись, что в доме только свои, он отодвинул тарелку, опёрся локтями о стол и заговорил тише, почти шёпотом:

— У меня — первая страница требника. Всего страниц в нём двенадцать. По числу апостолов. Каждый из апостолов оставил в этом требнике свою молитву. Понимаешь, Михаил, — не просто текст, а молитву, которой он сам молился. Своими словами. К Богу Живому.

Он сделал паузу, отпил глоток вина, и кадык его дёрнулся.

— У меня — первая молитва. Апостола Андрея Первозванного. Текст на арамейском. Я не смог прочитать. Стар я стал для таких трудов, да и арамейский не знаю. Он поднял глаза на отца Михаила. — Но ты же знаешь арамейский. Ты у нас учёный. Вот завтра, после литургии, и прочтёшь.

Отец Михаил кивнул коротко, но весомо:

— Добро.

Андрей, слушавший с замиранием сердца, увидел, как лицо старого священника осветилось какой-то особенной серьёзностью — не мрачной, а торжественной, словно он уже предчувствовал, что ему откроется в этих древних строках.

— А как к тебе попала эта молитва? — спросил отец Михаил, отставляя рюмку.

Отец Иван усмехнулся в бороду, откинулся на стуле и сложил руки на животе. Видно было, что эту историю он рассказывал не раз и каждый раз вспоминал с теплотой.

— Тут такое дело было. Приехал ко мне на приход один армянин. С дочерью. Дочь была совсем плоха — бледная, как свечка, еле на ногах стояла. Глаза у неё были... — он замаялся, подбирая слово, — как у давно покинувшей этот мир. Отец её по всем врачам возил: и в Москву, и за границу, и к светилам, и к знахарям. Никто помочь не мог. Деньжищ, говорит, угрохал немерено — а толку ноль. И вот привёз он её ко мне, в мой храм. Вошёл — а я как раз после службы, только что литургию отслужил, ещё облачение не снял. Он ко мне: «Помоги, батюшка, дочке моей. Я за ценой не постою».

Отец Иван покачал головой, вспоминая.

— Ну я её пособоровал. Маслом освящённым, помазал. А в конце добавил — сам не знаю почему, слова сами из сердца вырвались: «Не нам, Господи, не нам, но Имени Твоему даждь Славу». И напоследок окропил её Крещенской водой. Холодной — из источника, я её всегда в бутылки держу, на Крещение набираю. Они уехали. Я ещё подумал тогда: «Господи, помоги девочке, Твоя воля да будет». И — забыл, честно скажу. Мало ли народу через храм проходит. А через неделю...

Он сделал паузу и широко улыбнулся.

— Через неделю возвращается этот армянин. Входит в храм — и прямо в ноги мне падает. На колени. В пол лбом. «Благодарю вас, — говорит, — батюшка дорогой. Дочка выздоровела». И слёзы у него по лицу — в три ручья. А я его поднимаю, а он вдруг притягивает мне книгу — старинную Библию в потёртом кожаном переплёте. А в ней — этот самый листок. Древний. На арамейском. Армянин говорит: «Этот листок хранился в нашей семье многие столетия. Передавался из поколения в поколение — от отца к сыну. И когда дочь заболела, — говорит, — я дал Богу обет: если найдётся человек, который её вылечит, я этот листок ему отдам. И вот вы, батюшка, — тот самый человек».

Отец Иван перекрестился и продолжил:

— Я его поднимаю с колен — а он тяжёлый такой, коренастый. Он встаёт и вдруг снимает с себя золотой крест. Размером с наперстный, на золотой цепи — и отдаёт его мне. Я, конечно, сопротивлялся. Говорю: «Не надо, не возьму, зачем мне это». А он от обиды чуть не заплакал. Говорит: «Батюшка, вы меня оскорбляете. Это дар. Если не возьмёте — значит, молитва моя не услышана». Ну, мне ничего не оставалось делать, как взять.

Отец Иван поднялся из-за стола и, по-медвежьи переваливаясь, ушёл в комнату. Вернулся он быстро — в руках у него что-то тяжело блеснуло.

— Хотите, покажу?

Он протянул отцу Михаилу цепь с крестом. Вещь была очень ценная — это чувствовалось сразу, с первого взгляда. Цепь вместе с крестом весили килограммов пять, не меньше: золото было высокой пробы, тёмно-жёлтое, массивное. Каждое звено цепи — крупное, ручной работы, с едва заметной гравировкой по краям. Сам крест, размером с ладонь, был украшен бриллиантами и жемчугами. Бриллианты — мелкими, но чистыми, они вспыхивали на солнце

колючими синими и белыми искрами. Жемчуга — крупные, ровные, розоватого оттенка — обрамляли края креста, смягчая его строгую геометрию. Вещь была не просто дорогой — она была царской. Такую и в музее не стыдно выставить.

Отец Михаил взял крест в ладони, повертел его — но не как нечто дорогое, не с жадностью оценщика, а скорее как ребёнок вертит красивую игрушку или как натуралист разглядывает диковинный камень. Подкинул на ладони, оценивая вес, провёл пальцем по жемчужине и хмыкнул.

— Да, знатное сокровище, — сказал он задумчиво. — Можешь теперь вместо своего наперстного креста одевать и ходить на службу. — Он помолчал и добавил с горькой усмешкой: — Хотя нет, не можешь. Могут из-за этого сокровища тебя просто прихлопнуть где-нибудь в тёмном переулке. И дети сиротами останутся.

— Да я уже думал об этом, — вздохнул отец Иван. В его голосе прозвучала усталость — видно, мысль о том, что такая драгоценность может стать не благословением, а проклятием, посещала его не раз. — Может, себе заберёшь, а?

Отец Михаил покачал головой и вернул крест обратно — спокойно, без тени сожаления: — Нет, старый. Я не могу. Сам знаешь почему.

Отец Иван вздохнул ещё раз и перевёл взгляд на Андрея. Взгляд этот был странным — в нём читалась и надежда, и какая-то проверка одновременно. Он протянул крест на раскрытых ладонях:

— Андрей, может, тебе надо?

Андрей замер. На мгновение в голове у него помутилось. Перед ним на старых, натруженных ладонях священника лежало целое состояние. Настоящее, весомое, зримое. Золото, бриллианты, жемчуга — не виртуальные цифры на банковском счёте, не обещания, а вот оно, здесь, на расстоянии вытянутой руки. Мысли понеслись вскачь: «Вот это удача. Здесь целое состояние. Ипотеку можно погасить досрочно. Машину купить — хорошую, новую. Жену в отпуск свозить на море — она сто лет нигде не была. И ещё останется — на чёрный день, на учёбу детям, на всё...»

Он уже почти протянул руку. Пальцы дёрнулись.

И тут он заметил на себе взгляд отца Михаила. Тот смотрел не осуждающе и не с укором — он смотрел внимательно, тихо, как смотрят на воду, ожидая, пока уляжется рябь и станет видна глубина. И взгляд этот мгновенно отрезвил Андрея.

«Стоп. Что-то не так. Почему эти умудрённые опытом люди шарахаются от этого золота, как от проказы? Один боится, что его убьют. Другой не может взять — «сам знаешь почему». Может, это испытание? Может, именно сейчас, в этом маленьком доме, за этим столом, решается то, ради чего меня позвал Господь? Сейчас я приму это сокровище — и дальнейший путь будет мне закрыт. И все мои вчерашние слёзы, всё моё «я готов» окажутся просто словами. Словами, а не делом».

Он стряхнул с себя навязчивые мысли — решительно, как сбрасывают с плеча чужую руку. Поднял глаза. И твёрдо, сам удивляясь тому, как спокойно звучит его голос, сказал:

— Нет, батюшка. Мне тоже не нужно.

Отец Михаил одобрительно покачал головой. Чуть заметно, едва-едва — но Андрей увидел. И от этого безмолвного одобрения на душе сделалось теплее, чем от целой груды золота.

Повисла пауза. Отец Иван всё ещё держал крест на ладонях, словно не зная, куда его теперь деть. И тогда отец Михаил сказал — просто, по-житейски, как говорят о вещах самых обыкновенных:

— Слушай, отец Иван. У тебя вон какая старая машина. Видел я её — дверь не закрывается, глушитель дребезжит. Продай ты это золото и купи себе хорошую машину. Чтобы ездить на приход, к людям. Дело-то благое.

Отец Иван посмотрел на крест, лежащий в его ладонях. Потом на отца Михаила. Потом на Андрея. И вдруг широко, облегчённо улыбнулся — словно скинул с плеч невидимую тяжесть.

— Ладно, — сказал он, поднимаясь. — Так и сделаю.

Он спрятал крест с цепью в мешочек, убрал в комнату и вернулся к столу. Лицо его разгладилось, морщины стали мягче. Теперь, когда решение было принято, он снова стал прежним отцом Иваном — добрым, чуть лукавым, с вечным запахом вина и вечной искрой Божьей в глазах.

— А теперь давайте-ка ещё по одной, — сказал он, берясь за бутылку. — За гостей дорогих. И за то, чтобы завтрашняя литургия открыла нам то, что Господь пожелает открыть.

Глава 7

За столом ненадолго установилась тишина — та особенная, сытная тишина, когда отодвинуты тарелки, а говорить не хочется. За окном солнце перевалило за полдень и теперь светило уже не в окна, а в крону старой яблони, бросая на стол кружевную тень. Где-то в глубине дома тикали ходики.

И тут Андрей, набравшись решимости, спросил:

— Отец Михаил, а как вы пришли к Богу? Как Он вас позвал?

Отец Михаил сперва насупился. Брови его, седые и кустистые, сошлись к переносице. Видно было, что вопрос этот трогает что-то глубокое, давнее, о чём он не привык говорить за столом, под вино и пельмени. Но потом лицо его разгладилось — он словно вспомнил что-то важное и, повинувшись заповеди «просящему у тебя дай», начал.

— Ладно. Слушай.

Он отодвинул рюмку, положил ладони на стол — крупные, натруженные ладони, — и заговорил. Голос его звучал ровно, без пафоса, как рассказывают о деле давно минувшем, но не забытом.

— В молодости я, как и все, не помышлял ни о спасении, ни о молитве. Только пришёл из армии — пил вино, гулял с дамами, жил в своё удовольствие. Дело было в Саратове, мы тогда жили в частном доме, на окраине. И вот однажды я так сильно напился — не просто до беспамятства, а до полного изнеможения, — что еле дотащился до кровати. Вернее, не до в доме кровати — до времянки. Была у нас во дворе старая времянка, там я и рухнул. Спать лёг в пятницу вечером. А очнулся...

Он сделал паузу. Отец Иван сидел тихо, опустив глаза, — видно, слышал эту историю не впервой, но всякий раз она производила на него впечатление.

— ...а очнулся во вторник утром. Три дня пролежал мёртвый. Уже начал разлагаться. Вся семья была на даче — и, может, оно и к лучшему, иначе бы меня похоронили по-настоящему. Но Господь судил иначе.

Андрей замер. Он хотел переспросить — «три дня?» — но язык не повернулся. Отец Михаил говорил об этом так буднично, словно речь шла о затяжной простуде, а не о воскресении из мёртвых.

— Так вот, — продолжил священник. — В ту пятницу, когда я уснул — или умер, как правильнее сказать, — мне было видение. Я увидел дом. Коридор. И я иду, значит, по этому коридору, а он всё темнее и темнее. Стены серые, облупленные, пол под ногами чавкает, как грязь. Открываю дверь — а там ад.

Он поднял глаза на Андрея, и взгляд его сделался каким-то отсутствующим, обращённым внутрь, к тем давним образам.

— Чудища разные бродят. Не такие, как в кино показывают, а настоящие — косматые, с вывернутыми конечностями, с мордами, которые и описать-то невозможно. И крики. Крики

людские — страшные, хриплые, нечеловеческие. Я понимаю, что сплю. Говорю себе: «Этого не может быть. Проснись». Просыпаюсь — в холодном поту, сердце колотится, как бешеное. Встаю. Иду. Снова коридор — тёмный, бесконечный, и он всё длиннее и длиннее с каждым разом. Снова дверь. Открываю — опять ад. И чудища, одно другого страшнее. Опять понимаю, что сплю. Пытаюсь проснуться — и всё повторяется.

Он перевёл дух.

— И так раз девять. Или десять. Я сбился со счёта. Каждый раз одно и то же: коридор, дверь, ад, ужас. И каждый раз я пытаюсь проснуться — и не могу. Наконец распахиваю дверь в очередной раз — и падаю в темноту. Падаю долго, а потом ударяюсь обо что-то твёрдое. Кругом — тьма кромешная. Ни звука, ни проблеска. И страх — такой, какого я никогда не испытывал при жизни. Лютый страх, пробирающийся до самых костей, до мозга, до того, что глубже костей. Ты не дышишь, но жив, не видишь, но ощущаешь.

Отец Михаил понизил голос до шёпота.

— И тут из темноты высовывается страшная рожа. Очень страшное чудище — с пастью, полной зубов, и с глазами, в которых нет ничего, кроме голода. Оно тянется ко мне, пытается схватить и утащить. Но слышу — лязг. Цепь лязгает. Чудище рвётся, дёргается, но цепь его держит. До меня не достаёт — самую малость, на какой-то вершок. От него только слюни летят — чёрные, густые, вонючие. И чувствую я, как капля этой слюны попадает мне на левое плечо. И оно начинает жечь — да так, что я криком кричу. И запах — ужасная, смердящая вонь, какой на земле не бывает. Смесь тухлого мяса, серы и чего-то ещё, чему названия нет.

Он машинально потёр левое плечо — жест давний, привычный.

— И тогда я понял, что я на самом дне ада. И закричал что было сил. Своими словами — я вообще не знал тогда никаких молитв. Просто заорал: «Господи, прости!» И тут — проснулся. По-настоящему.

Отец Михаил замолчал. В горнице было так тихо, что слышно стало, как на кухне капает вода из крана. Потом он продолжил — уже спокойнее:

— Увидел я себя во времянке. Весь в холодном поту. Одежда мокрая насквозь. И на левом плече — небольшое красное пятно. Буквально с горошину. Но оно жгло — точно так же, как во сне. Потом это пятно стало волдырём. Врачи мне потом сказали, что это жировик. Но жировики не воняют так, как воняло от меня. В автобусе люди шарахались. Я этот жировик, одно время вырезал каждый год. Но метка появлялась снова и снова — на том же месте. Привет из ада. До сих пор растёт, иногда чешется, но уже не воняет.

Он криво усмехнулся и провёл ладонью по лицу.

— После того как я проснулся — по-настоящему, во вторник утром, — я побежал в дом. Нашёл в шкафу Евангелие. Его тогда ещё бесплатно раздавали баптисты — маленькая такая книжечка, в мягком переплёте. Я стал читать. Первое время не шло. Вообще. Было очень тяжело — как будто каменная плита давила на меня сверху. Каждое слово — с трудом, каждую строчку — через силу. Потом вроде пошло легче. Но появились очень важные, как мне казалось, мысли. Об улучшении своей жизни. О том, что надо бы работу сменить, денег скопить, купить то да сё. Дьявол очень не хотел меня отпускать. Он мне подсовывал эти мысли одну за другой — как рыбак подсовывает наживку. Я тогда целый день читал Евангелие. Не отрываясь. Только так и вырвался.

Он перекрестился — быстро, привычно.

— Решил я, значит, поступить в семинарию. Думал — там ангелы. Куда там. Это было ещё одно испытание.

Отец Михаил горько усмехнулся.

— В семинарии веру и благочестие у тебя стараются отобрать в первый же день. Приходишь — а там одни отщепенцы. Подхалимы, карьеристы, были и сумасшедшие — в прямом смысле, с диагнозами. Но в основном — безбожные приспособленцы. Те, кто пришёл за дипломом, за местом, за куском хлеба. Было, правда, несколько верующих христиан — но с ними общались как с дураками. Их сторонились, над ними посмеивались. На втором курсе ко мне подошёл племянник ректора — наглый, здоровый детина с компанией таких же. И предложил что-то очень постыдное. Я его послал. Завязалась драка. И меня — как неблагонадёжного — отчислили из семинарии. Со второго курса.

Он развёл руками.

— Но на самом деле я этому был очень рад. Потому что те, кто остался, напрочь потеряли веру. А некоторые стали заниматься постыдными, греховными делами — такими, о которых и говорить не хочется. Ну а потом, как и полагается, стали архиереями. — Он осёкся и махнул рукой. — Ладно, не будем.

Отец Михаил отпил воды и продолжил — голос его звучал устало, но твёрдо.

— Потом были мои скитания. По приходам, по монастырям. Я искал — искал Церковь. И везде видел одно и то же. Стыд. Срам. Безобразие. Я не понимал: почему там, где совершается Литургия, столько греха? Почему в алтаре — интриги, а на клиросе — сплетни? Почему священники, которые должны служить примером, ведут себя хуже мирян?

Он помолчал.

— А потом мне стало понятно. Никакого таинства во время Литургии не происходило. Бог покинул те места. Ведь ничто Чистое не может войти в нечистое. Понимаешь? Если священник — негодяй, если он не верит, если он в алтаре думает о деньгах и о бабах, — Господь не станет сходить на его престол. Многие ушлые батюшки придумали отговорку. Якобы, мол, за плохого священника службу совершает Ангел. Так вот — это самая настоящая брехня. Ангел ничего не совершает. Он стоит в алтаре и плачет. Поэтому у нас так много крещёных, но так мало христиан.

Отец Иван, слушавший молча, тяжело вздохнул и кивнул.

— Дальше я поехал в одну из епархий, — продолжил отец Михаил. — Там архиерей с лёгкостью рукополагал кого попало. Даже дураков. Главное — не буйных, чтобы прихожан не резали. Дело было так: заходил ставленник к архиерею. Тот ему: «Пятидесятый псалом знаешь?» — «Ага». — «Всё, этого достаточно. Неделю в соборе — на уборке территории, а в выходные ты уже дьякон».

Он невесело хмыкнул.

— У того архиерея была маленькая епархия, и ему нужно было выделиться в Москве. Чтобы тогдашний патриарх его заметил. В общем, нас тогда рукополагали пачками, как солдат в казарме. Через неделю после рукоположения я уже дьякон. Ещё неделя — и я уже священник. Послали меня в райцентр к благочинному. Тот понял, что взять с меня нечего, и отправил на самый гиблый приход. Сто пятьдесят человек всего населения. Каждый месяц кто-нибудь кончает жизнь самоубийством. Храма нет, но был сарай, который местные называли молитвенной комнатой.

Отец Михаил вздохнул.

— И началось у меня трёхразовое питание: понедельник, среда, пятница. То есть — ничего. Я высох как гончий велосипед. Люди в храм-сарай вообще не ходили. Помню, как-то пошёл в келью после службы — а келья моя тоже находилась в этом сарае, угол отгороженный. И от голода покачнулся и выронил ключ. Руки тряслись, не слушались. Ключ упал в щель между досок. Я тогда взмолился: «Господи, зачем Ты оставил меня?» Всплакнул. Сел на корточки. Но делать было нечего, нужно было доставать этот злосчастный ключ. Я стал отрывать доску.

Он оживился, и в голосе его зазвучала неожиданная, почти мальчишеская радость.

— Как только я оторвал доску и потянулся за ключом — увидел пару куриных яиц. Обычных. Белых. Потом нагнулся ниже. И — о чудо! — гора яиц. Их там сотни. Оказывается, все местные куры там прятались и неслись. Много было, конечно, и тухлых. Но были и свежие. Вот так я и спасался. Куры меня прокормили.

Он рассмеялся тихо, и Андрей невольно улыбнулся вместе с ним.

— Помню, поехал потом к архиерею — просить денег на потир и облачение. Как только зашёл, он мне: «Ты пройдоха, негодяй! Чего припёрся? Это ты мне должен деньги возить, а не я тебе. Каков поп — такой и приход». Я тогда плюнул на всё и уехал. Это был мой первый запрет — за оставление епархии.

Отец Михаил замолчал. Тишина в горнице сделалась густой и тяжёлой, как воздух перед грозой. Отец Иван глядел в стол. Андрей сидел, переваривая услышанное. История, которая началась с мрачного видения, прошла через смерть и воскресение, через подлость семинаристов и цинизм архиереев, через голод и чудо с куриными яйцами, — она укладывалась в голове не как житие, а как военный репортаж. Репортаж с передовой, где враг — не плоть и кровь, а тьма, которая прикидывается светом.

— И метка? — спросил Андрей тихо. — Она до сих пор?

Отец Михаил молча приспустил ворот подрясника. На левом плече, чуть ниже ключицы, виднелся небольшой кожаный шарик вроде родинки — старый, но всё ещё заметный. Андрей невольно поёжился.

— Бог оставляет нам ровно столько боли, сколько нужно, чтобы мы не забыли, откуда нас выгнали, — сказал отец Михаил, поправляя одежду. — Это не наказание. Это — напоминание.

За окном яблоня тихо роняла лепестки. Солнце медленно клонилось к вечеру. А за столом трое мужчин сидели молча, и каждый думал о своём — о пройденных коридорах, о дверях, которые открывались не туда, и о том, что завтрашняя литургия и древний арамейский текст, возможно, откроют новую дверь. И надо быть готовым — к чему угодно.

Глава 8

Андрей, переваривая рассказ отца Михаила, вдруг нахмурился. Картина, нарисованная батюшкой, была настолько мрачной — ад, семинария, торгашество, гиблые приходы и рукоположение «пачками», — что в голове у него созрел вопрос, который он поначалу не решался задать. Но любопытство журналиста и тревога неопита взяли верх.

— Отец Михаил, — спросил он, подавшись вперёд, — а если архиерей был нечестивцем, может, и таинство не сработало? Может быть, вы тогда не стали священником? Как это вообще работает — через такого человека?

Отец Михаил кивнул, словно ждал этого вопроса.

— Я тоже думал об этом, Андрей. Долго думал. И знаешь, до чего додумался? Дело в том, что помимо архиерея, в храме тогда было очень много народу.

Он прикрыл глаза, вспоминая.

— Дело было на Троицу. Престольный праздник. Жара стояла страшная — не продохнуть. Свечи плавилась прямо в руках. С меня семь потов сошло, пока я стоял под облачением, — думал, рухну. Еле на ногах держался. Архиерей тот, конечно, больше думал о том, как выглядит перед камерами, а не о том, что читает. Но... — он поднял палец. — Вместе с нами эту многочасовую службу стояли и молились бабушки.

Он произнёс это слово — «бабушки» — с такой теплотой и уважением, что у Андрея потеплело в груди.

— Простые, согбенные, в белых платочках. Они не разбирались в богословии, не знали греческого, не умели красиво говорить. Они просто плакали и молились, глядя на иконы. И в их слезах была такая сила, такая любовь и чистота, что, может быть, именно по их молитвам

я и получил дар священства. Архиерей лишь прочёл слова молитвы. А совершил всё Господь — по вере этих старушек.

Он помолчал и добавил:

— Помнишь, я рассказывал, что Ангел в алтаре плачет, если священник — негодяй? Но он не уходит. Он остаётся и ждёт. Ждёт, пока кто-то — пусть даже бабушка с последней скамейки — помолится так, что молитва прорвётся сквозь любую преграду. Помните чудо с иконой «Призри на смирение»? Слышал о таком?

Андрей неопределённо пожал плечами.

— Есть такая икона. Обычная, написанная на доске. Но однажды подошла к ней какая-то бабушка, приложилась, помолилась — и произошёл всплеск Божественной Благодати такой силы, что образ Божьей Матери перешёл на стекло, прикрывавшее икону. Просто отпечатался на стекле — как фотография. Так и здесь. Кто-то тогда, в той духоте, на Троицу, молился за меня. И Господь услышал молитву праведника. Не архиерея — а праведника.

Он вздохнул и посмотрел Андрею прямо в глаза.

— Да и потом я это почувствовал. Знаешь, как? Меня возненавидел весь мир. Сразу. Без перехода. Для мира я стал чужим. Даже друзья — те, с кем я с детства дружил, с кем служил в армии, — отвернулись. Я пытался устроиться на гражданскую работу, куда угодно, хоть дворником, хоть грузчиком. Не брали никуда. Друзья, к которым я обращался, отказывали под самыми разными предлогами: «Мест нет», «Извини, тут такое дело...» Я чувствовал, что стал прокажённым. Не потому, что я стал хуже — наоборот. Но мир не выносит тех, кто хоть немного принадлежит Богу.

Отец Иван, слушавший с мрачным выражением лица, молча разлил по рюмкам.

— Мне ничего не оставалось, — продолжил отец Михаил, — как поехать в Курск. Там в то время был старый, мудрый архиерей. Митрополит. Царствие ему Небесное. — Он перекрестился. — Что это был за человек... Он был земным ангелом. Настоящим. Он встретил меня как родного, как будто всю жизнь ждал, — обнял при встрече и сказал: «Ну наконец-то, а я уж думал, ты не доедешь». И столько любви было в этих словах, что я заплакал. Я, здоровый мужик.

Он опять замолчал, и в горнице повисла та почтительная тишина, какой провожают ушедших праведников.

— Жаль, послужить с ним мне пришлось мало. Когда Владыку призвал Господь, весь Курск пришёл проститься с ним. Весь. Было море людей. Его любили за простоту. Он мог отдать последнее — буквально. Дорогих машин и яхт не имел. Везде ходил пешком либо на общественном транспорте. Его можно было встретить утром в троллейбусе с авоськой — едет старичок, и никто не знает, что это митрополит. Я тогда понял: вот она, Церковь Божья. Та, о которой я тебе говорил, — невидимая, но живая.

Он обвёл взглядом стол, словно видя за этими стенами всю ширь церковной истории.

Он замолчал, задумавшись. За окном уже смеркалось, и тени в горнице стали длиннее и глубже. В этот момент дверь отворилась — тихо, по-домашнему, — и вошла матушка Надежда. Первым делом она посмотрела на бутылку. Та была лишь едва отпита — тяжёлая, тёмная, почти полная.

Матушка упёрла руки в бока:

— Вы что, так целый день и сидите?

Отец Иван встrepенулся, как школьник, застигнутый за шалостью, и бросил взгляд на ходики.

— О-о... А что, уже вечер?

— Вечер, вечер, — вздохнула матушка и покачала головой. — Ну, я так и знала.

Отец Иван засуетился и поднялся из-за стола:

— Так я пошёл готовиться. Мне ещё правило вычитывать. Завтра служить.

Он по-медвежьи, но решительно направился в свою комнату, оставив гостей с матушкой. Та, убедившись, что все сыты, и убрав со стола несколько тарелок, тактично удалилась на кухню.

Андрей посмотрел на отца Михаила. Тот сидел спокойно, даже не думая подниматься.

— А вы, батюшка? Разве вам не нужно готовиться? Правило там, молитвы...

Отец Михаил усмехнулся в усы, и усмешка эта была какой-то по-особенному тёплой, заговорщицкой.

— Если честно, Андрей, отец Иван — батюшка старой формации. Сегодня он будет «готовиться ко встрече с Богом»: вычитывать каноны, класть поклоны, отгонять помыслы. Всё правильно, всё хорошо, но это немножко... фарисейство. Понимаешь? Когда думаешь, что к Богу нужно как-то специально «приходить» — по расписанию, по уставу, после определённого количества молитв. А я...

Он сделал паузу и посмотрел Андрею в глаза.

— А я готов всегда. Понял? Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь и за всё благодарите. Ты это поймёшь чуть позже.

Отец Михаил откинулся на стуле и, прищурившись, заговорил тише — явно входил во вкус своей мысли:

— Я, дорогой Андрей, даже не понимаю, как можно отойти от Бога хотя бы на минуту. Я с Ним не расстаюсь. — Он вдруг хитро прищурился. — И представь себе: сейчас я пойду вместе с отцом Иваном на молитву и начну: «Здравствуй, Господи! Сейчас я расскажу Тебе то, чего Ты обо мне ещё не знаешь». Представляешь, как Отец удивится? Скажет: «Михаил, ты что, дураком стал, что ли? Какое “здрате” — и что это ты Мне хочешь сказать такого, чего Я не знаю?» Будет неудобно.

Батюшка заулыбался — по-детски, широко, — и приставил палец ко рту:

— Тсс... Только ты отцу Ивану ничего не говори. А то обидится старый.

Андрей невольно улыбнулся в ответ. Образ Бога, Который удивится «здрате», был для него совершенно новым — и одновременно почему-то очень близким, как будто он всегда это знал, но забыл.

— Помню, был случай, — продолжил отец Михаил, всё ещё улыбаясь, — после Литургии пошли служить водосвятный молебен. Ну, я и пропускаю начало — где «Царю Небесный, прииди и вселися в ны». Понимаешь, в этой молитве мы просим Духа Святого прийти и вселиться в нас. Но мы ведь только что причастились — в нас не только Дух Божий, но и Его Святые Дары, Тело и Кровь Христовы. Зачем мне просить Того, Кто уже здесь? Зачем звать Гостя, Который и так сидит за столом и ест с нами? Я и пропустил.

Он хмыкнул.

— Так вот, один воцерковлённый староста — из тех, что следят за уставом, как надзиратель за заключёнными, — нажаловался на меня архиерею. И меня за это отправили в новый запрет. Но там ещё было кое-что: я «посторонних людей в алтарь вожу и заставляю их читать Евангелие на русском, к народу». Представляешь, какое преступление?

Он махнул рукой.

— Потом, правда, этого воцерковлённого старосту разоблачили — он бессовестным образом деньги церковные подворывал. Вот поэтому я не очень люблю этих всех воцерковлённых. У них Бог — где-то далеко, за облаками, и доступ к Нему только по пропускам: через устав, через канон, через «благословение». А Он-то рядом. Ближе, чем воздух.

В горнице наступила тишина. За окном совсем стемнело. Где-то в комнате отца Ивана слышался тихий, мерный голос — батюшка вычитывал правило перед завтрашней службой. Стук колёс давешнего поезда остался где-то в другой жизни, а здесь, в этом маленьком домике, всё было пропитано иным ритмом — ритмом молитвы, тишины и ожидания.

Завтра им предстояло идти в храм. Завтра отец Михаил должен был прочесть древний арамейский текст — молитву апостола Андрея, первого из двенадцати. И кто знает, что откроется, когда эти древние слова прозвучат в стенах сельской церкви в мордовской глубинке?

Андрей чувствовал, что «тёмные коридоры», о которых он ещё ничего не знал, но которые словно угадывал сердцем, ждут его впереди. Но сейчас, в этот краткий миг, под тихую молитву старого батюшки и мудрую улыбку отца Михаила, ему было спокойно. Так спокойно, как не было уже много лет.

Глава 9.

Андрей не унимался. Слишком много всего было сказано за этот бесконечный, перевернувший душу день — адское видение, воскресение, рассказ о семинарии, горькие слова о воцерковлённых, — и теперь, когда до сна оставалось рукой подать, одна деталь не давала ему покоя.

— Отец Михаил, — спросил он, подавшись вперёд и понизив голос, чтобы не разбудить дом, — а что такое запрет для священника? Вы говорили — вас отправляли в запрет. Что это значит?

Отец Михаил, уже поднявшийся было из-за стола, снова опустился на стул. Лицо его в неярком свете кухонной лампочки казалось усталым, но глаза блестели.

— Запрет, — сказал он, растягивая слово, как старую больную ноту, — это такое наказание, когда архиерей пишет указ. Бумагу с печатью. И этой бумагой запрещает священнику служить Богу. Проповедовать. Давать благословение. Даже крестное знамение — и то под вопросом.

Андрей ужаснулся. Он смотрел на отца Михаила во все глаза.

— Как такое может быть? Ведь священник — это тот человек, который призван Богом служить Ему. Его Господь позвал. Как другой человек — пусть хоть он и архиерей, хоть трижды архиерей — может такое запрещать?

Отец Михаил горько усмехнулся.

— Ты забываешь, Андрей, что среди архиереев христиан практически нет. Ну, может быть, один или два на всю страну. Которых Господь бережёт особо — как тот Курский митрополит, о котором я говорил. Остальные... — он махнул рукой. — Для них священник это крепостной, а крепостного не жалко ещё нарукопологают. Их там целая семинария.

Андрей силился переварить услышанное.

— Но разве нельзя попросить прощения у архиерея? Ну, чтобы он простил?

Отец Михаил посмотрел на него долго и серьёзно, а потом процитировал — медленно, весомо, как читают Писание:

— Апостол Пётр спросил Христа: «Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?» Иисус ответил: «Не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз». — Он помолчал. — Но многие архиереи, Андрей, этого никогда не читали.

Он вздохнул, и голос его стал жёстче.

— Как правило, прощение архиерейское очень дорого стоит. Нужны деньги. Понимаешь? Не покаяние. Не слёзы. Деньги. Знаешь, как архиереи измеряют благодать священника? Если есть у батюшки деньги, которые он регулярно в конверте привозит, — значит, это благодатный батюшка. А если денег нет — значит, негодяй и лодырь. «Каков поп, таков и приход». Так что бесплатно ни один архиерей прощать не будет.

Андрей медленно покачал головой. Внутри у него закипало.

— Какой ужас... — проговорил он глухо. — Так это же... это же кощунство. И хула на Бога. В чистом виде. Торговать прощением.

Отец Михаил вдруг улыбнулся — светло и неожиданно.

— Вот видишь, — сказал он мягко. — Ты сам ответил на свой вопрос. Сам.

Повисла пауза. За окном прошелестел ветер в яблоне-вых ветвях. Потом отец Михаил наклонился к Андрею и спросил — негромко, почти заговорщицки:

— Скажи, Андрей, а у тебя есть охрана?

Андрей удивлённо моргнул.

— Охрана? Нет, а зачем она мне? Воровать у меня нечего, я не богат. Да и врагов у меня нет. Я никого не обижал.

— А у многих архиереев есть, — сказал отец Михаил, и голос его упал почти до шёпота. — Охрана, спрашивается — для чего? От кого охраняться? От бабушек с просфорами? От алтарников с кадилом? — Он горько усмехнулся. — Они ведь называют себя преемниками Святых Апостолов. Пётр, Павел, Иоанн — они что, с телохранителями ходили? Их били палками, побивали камнями, гнали из города в город. И они шли. А эти сидят за высокими заборами, подсчитывают конверты и нанимают охранников, чтобы никто не помешал им «служить». Смешно и страшно.

Он замолчал. За окном было темно и тихо. Потом хлопнул в ладоши — негромко, решительно:

— Ну, хватит на сегодня. Нужно идти спать. Завтра рано вставать. Литургия.

Андрей поднялся. Матушка постелила ему в детской — там, где когда-то жили дети, теперь уже взрослые, разъехавшиеся кто куда. В комнате пахло сухим деревом и старыми книгами. Над кроватью висела вышитая крестиком икона. Андрей разделся, лёг, и мягкая постель приняла его усталое тело как родного.

Отец Михаил устроился на кухне, на старой раскладушке, которую матушка заботливо застелила свежим бельём. Андрей слышал, как батюшка тихо, одними губами, прочёл короткую молитву, перекрестил подушку и со вздохом опустился на скрипучие пружины. Скрипнула половица — видимо, он перевернулся на бок. И всё стихло.

Дом погрузился в сон. Только старые ходики на стене мерно отсчитывали минуты — тик-так, тик-так, — словно шаги далёкого ангела-хранителя, обходящего спящий дом по периметру. Где-то далеко-далеко, за мордовскими полями, в тёмном небе стояли звёзды. А в душе Андрея, засыпающего в комнате с вышитой иконой над кроватью, что-то продолжало расти — негромко, но неумолимо, как зерно, пробивающее твёрдую землю.

Завтра ему предстояло впервые в жизни стоять на Литургии — не как туристу, не как журналисту, не как случайному прохожему. Завтра ему предстояло стоять перед Богом. И он чувствовал — смутно, но отчётливо, — что это только начало.

Глава 10

Дом проснулся рано, ещё затемно. За окнами едва брезжил серый июньский рассвет. По скрипучим половицам затопали ноги, захлопали двери, звякнула посуда на кухне — матушка, как всегда, встала первой. Вскоре к умывальнику выстроилась молчаливая очередь: впереди отец Иван, за ним отец Михаил, замыкающим Андрей. Умывались по-деревенски — из ручной мойники, фыркая, разбрызгивая холодную воду, растирая лица жёстким вафельным полотенцем.

Оделись. Матушка повязала светлый платок, отец Иван накинул поверх подрясника старенькую рясу, отец Михаил остался в своём неизменном дорожном облачении. Андрей оделся попроще, но опрятно — чувствовал, что идёт не в гости, а на службу.

Вышли во двор. У калитки, привалившись боком к покосившемуся штакетнику, их ждала машина отца Ивана. Это была очень старая «Лада» шестой модели — некогда, в какой-то доисторической эпохе, синяя, а теперь выцветшая до тусклой голубизны, с рыжими проплешинами ржавчины по днищу и крыльям. Андрей невольно усмехнулся про себя: «синее ржавое корыто» — именно такое описание пришло бы ему в голову как журналисту, если бы нужно было описать это чудо отечественного автопрома.

Отец Иван тем временем открыл капот и, достав откуда-то из-под верстака помятую канистру, начал заливать в мотор какую-то тёмную, пахнущую гудроном жидкость. Андрей принялся и удивлённо поднял брови:

— Батюшка, это что?

— Трансформаторное масло, — буднично ответил отец Иван, завинчивая крышку. — На нормальное денег нет. А это — даром, с электроподстанции знакомый мужик таскает.

— И что, ездит?

— Ездит, родимая, — отец Иван ласково похлопал машину по капоту. — Только течёт, зараза, ручьём. Но ничего, дольём.

Начали усаживаться. Отец Иван, кряхтя, втиснулся за руль. Матушка Надежда, подобрав юбку, устроилась на переднем сидении. Отец Михаил и Андрей уселись сзади — сиденья под ними жалобно скрипнули, а из-под обшивки посыпался какой-то трухлявый поролон.

Машина тронулась — не сразу, а после долгого чихания стартера и сизого облака выхлопных газов, окутавшего двор. До деревни, где служил отец Иван, было километров пять. Поначалу Андрею ехать было откровенно страшно: машина постоянно покачивалась, как пьяный матрос, и издавала звуки отлетающих деталей — что-то дребезжало под днищем, что-то скрежетало в моторе, а выхлопная труба подвывала на ухабах, как раненый зверь. Но постепенно Андрей привык — русский человек ко всему привыкает, особенно к отечественным автомобилям.

Доехали быстро. Деревенька оказалась небольшой — домов сорок, не больше. Улицы пыльные, но чистые, в палисадниках — георгины и подсолнухи. Храм, к которому они подъехали, когда-то был местным сельпо — сельским потребительским обществом, попросту говоря, магазином. Но теперь об этом напоминали разве что пропорции здания да широкая, чуть приземистая его стать. Отец Иван каждую осень собирал у населения картошку — попросту обходил дворы с мешком, и люди, кто сколько мог, отсыпали. Эту картошку он продавал, а на вырученные деньги год за годом, кирпичик за кирпичиком, перестраивал бывшее сельпо. Теперь над крышей возвышалась аккуратная главка с крестом, а стены были выкрашены в спокойный жёлтый цвет. Храм был небольшим, но очень уютным — чувствовалось, что строили его не подрядчики за откат, а сам батюшка с мужиками, с молитвой и любовью.

Они вошли. Внутри пахло воском и ладаном — тем особенным, домашним ладаном, который бывает только в сельских храмах, где каждую свечу ставят не для красоты, а от сердца. Матушка сразу заняла место на клиросе — небольшом, всего на две певчих, — и принялась раскладывать ноты. А батюшки вместе с Андреем прошли в алтарь.

— Ну, Андрей, — сказал отец Иван, поправляя епитрахиль, — сегодня будешь алтарничать. Кадило подавать. Справишься?

Андрей кивнул, чувствуя, как внутри что-то замирает — не страх, а скорее трепет.

Началась служба. Отец Иван служил неспешно, проникновенно, каждое слово произносил так, будто оно только сейчас рождалось в его сердце. Отец Михаил помогал ему — по очереди произносили ектеньи, подавал кадило, читал помянники. Андрей стоял в углу алтаря и, как велели, вовремя подавал кадило и следил за свечами. Всё было для него внове — и возгласы, и каждение, и тихие молитвы, которые батюшки читали про себя. Но постепенно ритм службы захватил его, и он перестал бояться сделать что-то не так.

Настало время Причастия. Отец Иван вынес Чашу к народу. В храме собралось человек тридцать — в основном бабушки в платочках, несколько мужиков, две молодые женщины с детьми. Отец Михаил перед этим поисповедовал всех причастников — быстро, но внимательно, каждому сказав что-то своё, нужное. Андрей исповедовался одним из первых — коротко, но так, словно скинул с себя целую гору, которую таскал годами.

— Причащается раб Божий Андрей честного и святого Тела и Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во оставление грехов своих и в жизнь вечную. Аминь.

Андрей открыл рот и принял Святые Дары. Тёплый хлеб, чуть влажный от вина, коснулся его губ, и он проглотил — благоговейно, стараясь не уронить ни крошки.

Причащение прихожан закончилось, они вернулись в алтарь. И тут — не сразу, а спустя несколько минут, — Андрей почувствовал, как его тело наполняет доселе незнакомое ощущение. Это не было головокружением или восторгом — нет. Это было тихое, глубокое, всеобъемлющее чувство радости. Счастья, которое не зависит ни от чего внешнего. А самое главное — чувство любви. Он вдруг ощутил, что любит всех. Всех людей сразу. Каждого человека — каждую старушку в храме, каждого мужика с натруженными руками, — он чувствовал близким и родным. Он порывался выбежать из алтаря и начать всех обнимать. Любовь Божия заполнила всё его существо — до краёв, до последней клеточки.

Солнечный лучик, пробивавшийся сквозь узкое алтарное окошко и падавший на престол, светил теперь каким-то особенным светом — не просто жёлтым, а золотым, живым, тёплым, как благословляющая рука. Андрей посмотрел на подоконник и заметил там маленького паучка. Тот сидел в своей паутинке, замер, и казалось, что он тоже молился за Божественной Литургией — на свой, паучий лад. Андрей, который раньше пауков боялся, теперь смотрел на него с нежностью. Он подошёл ближе, осторожно вытянул палец и коснулся паучка. Тот не убежал. Он поднял свои крошечные лапки и легонько коснулся пальца Андрея — и в этом движении было что-то, похожее на приветствие.

— Вот оно, значит, как, — прошептал Андрей.

Идиллию прервал отец Иван. Он подошёл к престолу, и в его голосе прозвучала особенная, деловая нота:

— Ну, вот то, зачем вы приехали.

Он достал старинную Библию — ту самую, в потёртом кожаном переплёте, что подарил ему армянин, — открыл её. Внутри, между страницами, лежал очень древний, пожелтевший от времени пергамент. Края его крошились, но строки, выведенные твёрдой рукой на арамейском, были ещё видны. Это была молитва, написанная рукой Святого Апостола Андрея Первозванного.

Отец Михаил взял пергамент очень аккуратно — двумя руками, как берут величайшую святыню. Он взгляделся в строки, и лицо его озарилось.

— Здесь что-то сказано о Видении невидимого, — проговорил он. — О том, что видел апостол, когда Господь отверз ему духовные очи.

Они собрались возле престола — трое: отец Иван, отец Михаил и Андрей. За окном пели птицы. В алтаре было тихо и торжественно.

— Я буду читать на арамейском, — сказал отец Михаил, — а вы повторяйте за мной. Каждое слово. Если что-то будет непонятно — не страшно. Главное — повторяйте.

Он начал. Слова, древние, гортанные, непривычные для русского уха, полились из его уст — негромко, но властно, словно сам воздух в алтаре начал вибрировать от их силы. Отец Иван повторял их следом, Андрей — за ним. Слово в слово. Звук за звуком. Он не понимал смысла, но каждое слово отдавалось в его сердце, как колокольный звон.

Когда последнее слово было произнесено, текст на пергаменте на мгновение вспыхнул белым сиянием — не обжигающим, не страшным, а чистым, как снег на вершине горы, — и погас. Всё в алтаре было по-прежнему: те же иконы, тот же престол, тот же солнечный луч. Но что-то поменялось. Это почувствовал каждый — сдвиг, едва уловимый, но неотменимый, как если бы кто-то поправил линзу, и мир наконец явился в настоящей резкости.

Трое в алтаре получили дар Духа Святого.

Отец Иван быстро потребил оставшиеся Святые Дары и, одёрнув рясу, вышел на амвон — отпустить службу и говорить проповедь. Отец Михаил и Андрей остались в алтаре. Они стояли молча, глядя друг на друга и ничего не понимая. Что произошло? Что изменилось?

В этот момент отец Иван вдруг забежал обратно в алтарь. Лицо его было бледным, но возбуждённым — не испуганным, а скорее потрясённым. Он схватил отца Михаила за рукав и решительно потащил на амвон.

— Идите, идите сюда, — хрипло зашептал он. — Вы должны это видеть.

Отец Михаил послушно последовал за ним. Андрей пошёл следом — сердце его колотилось.

Они вышли из Царских врат на амвон. Андрей поднял глаза — и ахнул.

Посреди храма, в центре, стояла старуха, которую местные называли Царихой. Она была известна на всю округу как главная сплетница, собиравшая и разносившая небылицы о каждом жителе деревни. К Причастию она не подходила, на исповеди не была никогда. И вот теперь Андрей видел её — и не мог отвести глаз.

На Царихе, как на ёлке, только вместо украшений, висели бесы. Он насчитал шесть штук. Один — самый крупный, тёмно-серый, с вытянутой мордой, — сидел прямо у неё на голове, вцепившись когтистыми лапами в седые волосы. Второй — помельче, юркий, с длинным языком — примостился на плече и что-то постоянно, безостановочно шептал ей в ухо. Третий висел прямо на правой руке, обвинив её, как змея, и явно мешал старухе осенять себя крестным знаменем — рука у Царихи была какая-то скрюченная, непослушная. Четвёртый, похожий на мохнатого страшного кота, лазил у неё в ногах, то и дело ставя подножки — старуха постоянно спотыкалась на ровном месте. Пятый, совсем маленький, но с мерзкой ухмылкой, сидел у неё в кармане и оттуда выглядывал. А шестой — и этот был самым жутким — сидел за пазухой, прильнув к сердцу, и оттуда, выглядывая, корчил священникам рожи. Его физиономия выражала откровенное глумление.

— Вы это видите? — тихо спросил отец Иван.

Отец Михаил и Андрей синхронно закивали, не в силах вымолвить ни слова.

Прихожане начали подходить ко кресту. Цариха — а именно таково было её прозвище в селе, производное от «царица» и прилипшее за много лет, — стояла и к кресту не подходила. Зато на весь храм, перекрывая даже хор, она громко причитала:

— Ой, батюшка, какая красивая служба! Вы такой молодец! И матушка ваша как красиво поёт! А батюшки ваши — какие молодцы! Ой, просто ангельское пение, ой, прямо душа радуется!

Голос у неё был елейный, слащавый, но сквозь эту слащавость Андрей теперь явственно слышал что-то другое — фальшивое, льстивое, гадкое. Бес, сидевший у неё на плече, продолжал что-то нащёптывать ей в ухо — и она тут же озвучивала это вслух.

Отец Иван подозвал Андрея:

— Андрей, там, в алтаре, стоит чаша с Крещенской водой и кропило. Принеси, пожалуйста.

Андрей метнулся в алтарь и вынес всё необходимое. Отец Иван взял кропило, обмакнул его в святую воду и решительным шагом направился к Царихе. Та, увидев его приближение, вдруг замолчала и как-то сжалась. Бесы на ней заволновались.

От первых капель Крещенской воды — и бесы засуетились. Они забежали, закопошились на Царихе, как тараканы, застигнутые светом. Следующие капли — и они начали срывать с неё. С отвратительным шипением и воем, которых не слышал никто из прихожан, они кинулись к выходу, выкрикивая напоследок грязные ругательства. Один из них на бегу показал священникам нечто непристойное.

Цариха покачнулась и едва не потеряла сознание. Стоявшие рядом женщины подхватили её под руки.

— Ой, где я? Что это? — пробормотала она слабым голосом.

— Ты чего, Петровна? — удивлённо спросила одна из женщин. — Ты же в храме.

— Да я вроде сегодня не собиралась... — растерянно проговорила Цариха, озираясь. — Хотела с утра огурцы полить.

Отец Иван молча протянул ей крест для целования. Цариха посмотрела на распятие — и, не обращая на него внимания, развернулась и ушла из храма. Просто повернулась и вышла, как будто ничего не было. Бесов на ней уже не было, но благодать Божия, коснувшаяся её через святую воду, была отвергнута. Она сделала свой выбор.

Отец Иван не стал её останавливать. Он только тихо, с горькой мудростью произнёс:

— Как пёс возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою.

Для всех остальных это была обычная служба, ничем не отличающаяся от других. Бабушки приложились ко кресту, дочитали благодарственные молитвы, разобрали просфоры. Никто ничего не видел. Никто ничего не слышал.

Но эти трое уже не были прежними. Они получили дар.

Они вернулись в алтарь. Отец Иван, не говоря лишних слов, взял листок старого пергамента и протянул его отцу Михаилу:

— Вот, батюшка, забирай. Может, тебе удастся собрать весь требник. Все двенадцать страниц. Я своё дело сделал — сохранил и передал.

Отец Михаил поблагодарил старого друга, бережно спрятал листок в своё дорожное Евангелие — туда, где он хранил самые ценные бумаги, — и положил книгу за пазуху.

Пора было отправляться на поиски следующей страницы. Где она была, у кого, в каких краях — этого они пока не знали. Но Господь, даровавший им сегодня и новый взгляд, и новое сердце, и новое видение, — Он укажет.

Они вышли из храма на залитый солнцем двор. Синее небо, зелень травы, петушинный крик за рекой — всё было прежним и в то же время новым. Андрей щурился, привыкая к свету — и к тому, что теперь он видит больше, чем прежде. Гораздо больше.

Машина, дребезжа и пофыркивая, выехала на трассу. Впереди лежала дорога. И хоть никто из них троих не знал, куда именно она приведёт, каждый чувствовал: «тёмные коридоры» этого мира теперь не скроют того, что ищет свет.

Глава 11

Отец Иван довёз их до вокзала. Старенькая «Лада», чихнув напоследок сизым дымком, замерла у привокзальной площади.

— Ну вот и пришло время прощаться, — сказал отец Иван, и в его голосе послышалась непривычная, неожиданная хрипотца.

Они обнялись — крепко, по-мужски, по-русски, тоекратно расцеловались. Отец Михаил стиснул старого друга в объятиях, и тот, отстранившись, быстро заморгал, будто в глаз что-то попало. Андрей тоже обнял отца Ивана — и почувствовал, как пахнет от него ладаном, машинным маслом и домашним вином: запах праведника, чудака, святого и грешного в одном флаконе, того самого, о ком сказано — «жало в плоть».

— Ты того, — сказал отец Иван, уже садясь в машину, — как соберёшь весь требник, дай знать. Хоть открытку пришли, что ли.

— Пришлю, — пообещал отец Михаил.

Машина тронулась. Синее ржавое корыто, дребезжа и пофыркивая, выкатилось с площади и скрылось за поворотом. Отец Михаил проводил её долгим взглядом и перекрестил вслед.

Они с Андреем устроились на вокзальной лавочке в зале ожидания. Вокруг кипела та же суэта, что и несколько дней назад: пассажиры с чемоданами, дети с мороженым, объявления по громкой связи. Но теперь всё это казалось Андрею каким-то далёким, словно он смотрел на мир через прозрачную, но несомненно существующую перегородку. Он был здесь — но уже не совсем принадлежал этому шуму.

— Должна быть подсказка, — проговорил отец Михаил, усаживаясь поудобнее. — Не может всё так оборваться. Не для того Апостол оставил молитву, чтобы мы прочли одну страницу и остановились.

Он бережно, почти с трепетом, достал из-за пазухи дорожное Евангелие, раскрыл его и извлёк старый пергамент. Андрей замер. Отец Михаил вгляделся в буквы — те самые, древние, арамейские, — и начал молиться. Губы его шевелились беззвучно, а глаза, прищуренные, внимательные, скользили по строкам, как по живому лицу.

Прошло несколько минут. По залу ожидания пробежал мальчишка с воздушным шаром. Громкоговоритель объявил о прибытии поезда из Саранска. И вдруг — пергамент вспыхнул.

Нет, не загорелся. По нему пробежала короткая, едва заметная белая вспышка — как в прошлый раз в алтаре, — и тут же погасла. А на листе, ниже прежнего текста, проступила новая строка. Буквы были теми же — древними, угловатыми, выведенными рукой, привыкшей держать не ручку, а тростниковое перо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.